

T 37
937 779

Матради

ПЕРЕВОДЧИКА

**выпуск
17**

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вып. 17

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

937 779

Москва
«Международные отношения»
1980

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов (отв. ред.), В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров,
А. В. Кунин, В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг

*Авторы несут ответственность
за аутентичность цитируемого материала*

Тетради переводчика: Вып. 17/Под ред. проф.
Т 37 Л. С. Бархударова. — М.: Междунар. отношения,
1980. — 120 с.

Выпуск 17 «Тетрадей переводчика» знакомит читателей с актуальными проблемами теории и практики перевода.

Выпуск ставит вопрос об адекватности перевода, о лексических трансформациях, о методе атрибуции текста, рассматривает принципы построения русско-английского научно-технического словаря, приводит замечания о русских переводах «Алисы в Стране Чудес» и о проблеме передачи каламбуров в произведениях Ф. М. Достоевского на испанский язык.

Сборник представляет интерес для всех лиц, изучающих иностранные языки.

Т $\frac{70104-031}{003(01)-80}$ 45-80 460200000

ББК 81

1. ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

В. Р. Григорьев
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Идейно-теоретическое наследие В. И. Ленина огромно и неисчерпаемо. Идеи его, составившие новый этап в развитии марксизма, получили всемирное признание и распространение, стали важнейшим руководством к действию для всех прогрессивных сил в мире, для многомиллионного отряда коммунистов мира. По данным ЮНЕСКО, переводы ленинских произведений занимают первое место в мире среди всей переводной литературы. Ленинское слово звучит сейчас на 126 языках мира.

Все это придает особую актуальность проблемам, касающимся перевода произведений В. И. Ленина на различные языки. Накопленный в этой области обширнейший материал давно нуждается в систематизации и подробном анализе. В основу такого анализа должны быть положены ценнейшие методологические и методические принципы перевода, сформулированные самими классиками марксизма-ленинизма, и их практический переводческий опыт¹, а также достижения советской школы перевода. Безусловно, лингвопереводческий анализ соответствующих проблем должен осуществляться на основе и в тесном взаимодействии с достижениями марксистско-ленинской мысли в области общественных наук, психологии, теории коммуникации и таких развивающихся отраслей языкознания, как семантика и прагматика текста. Исследователи постепенно подходят к такому комплексному анализу, идя, как правило, от частного к общему — от анализа тех или иных сторон текста и его перевода (переводов) к выводам,

¹ См. Федоров Л. В. Основы общей теории перевода. М., Высш. школа, 1968. Раздел «Маркс, Энгельс, Ленин о переводе».

содержащим основополагающие принципы перевода ленинских произведений, свидетельствующим о формировании школы перевода этих произведений в СССР и за рубежом.

Наша задача в рамках данной работы состоит в том, чтобы, дав исторический очерк перевода произведений В. И. Ленина на итальянский язык и убедившись в исторической обусловленности всех рассматриваемых лингвопереводческих явлений, доказать, что решающее значение для правильного перевода ленинского текста имеет понимание его в единстве лингвистического и экстралингвистического подходов, а также правильный, прагматически обоснованный подход к передаче всех его значимых компонентов.

Для такого исследования были выбраны пять переводов на итальянский язык произведения В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.).

Вообще перевод и распространение произведений В. И. Ленина на итальянском языке имеет весьма богатую и яркую историю¹. Впервые появившись на итальянском языке в 1918 г., они уже в тот период сыграли решающую роль в развитии рабочего, а затем и коммунистического движения в Италии, в формировании стратегии и тактики молодой итальянской компартии. С середины 20-х годов в связи с наступлением в Италии фашистского «черного двадцатилетия» перевод произведений В. И. Ленина на итальянский язык развернулся за пределами страны — во Францию, Бельгию, а позже в СССР, где была сформирована квалифицированная группа переводчиков-марксистов, работавшая под руководством генерального секретаря ИКП П. Тольятти и видного деятеля партии Ф. Платоне. Уже в первые месяцы после падения фашистской диктатуры, в разгар движения Сопротивления переводческую работу в этом направлении удалось возобновить и в Италии, на освобожденной территории. Особо бурное развитие в стране она получила в последние два десятилетия. Достаточно сказать, что Италия была первой из стран Запада, где в 50—60-х годах был предпринят перевод и издание многотомного собрания сочинений В. И. Ленина (45 то-

¹ Тольятти П. Ленин и наша партия. — В его кн.: Избранные статьи и речи. в 2-х тт. т. II, М., Политиздат, 1965 г.; а также: К о б ы л я н с к и й К. Переводы произведений В. И. Ленина на итальянский язык. — В сб.: Тетради переводчика. Уч. зап. каф. перевода I МГПИИЯ, № 2 (5), 1961.

мов, по 4-му советскому изданию с дополнениями). Одновременно (хотя и с перерывами) значительная работа по переводу ленинских произведений осуществлялась и в СССР, в издательстве «Прогресс».

Следовательно, анализируя историю перевода хотя бы одного ленинского произведения на итальянский язык, мы можем обнаружить большое разнообразие переводов, отражающее широкий диапазон принципов и подходов к решению переводческих задач (даже учитывая, что все взятые для анализа переводы выполнены с марксистско-ленинских или близких к ним позиций с целью пропаганды и распространения ленинских идей, а не с целью их фальсификации).

При сопоставлении переводов становится очевидным, что, кроме вполне понятных различий в степени знания переводчиками языка оригинала, важнейшей и наиболее существенной причиной расхождений является степень их знакомства с проблематикой переводимого произведения, в конечном итоге, с марксистско-ленинским учением в целом. Безусловно, различия в переводах связаны также с конкретно-историческими задачами, стоявшими перед каждым переводчиком (или коллективом переводчиков). Изучение материала работы В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и ее переводов дает в этом отношении особенно богатый материал: само это произведение принадлежит к наиболее популярным в Италии образцам политической литературы, а взятые для анализа пять переводов¹ удачно отражают не только этапность его восприятия итальянцами, но и этапы формирования в СССР и за рубежом школы перевода марксистско-ленинской литературы на итальянский язык. Понятно, что в основу анализа переводческого материала здесь должен быть положен принцип историзма, т. е. рассмотрение фактов лишь в связи с другими и лишь в связи с конкретным опытом истории.

Лингвистический анализ переводов, кроме того, был бы невозможен без анализа оригинала, рассматриваемого

¹ L e n i n V. L'estremismo, malattia infantile del comunismo. — In: Comunismo, rivista della III Internazionale, nn 22—24, 1920; nn 1—6, 1921; под тем же заголовком в след. изданиях: P., Ed. italiane di coltura sociale, 1932; L e n i n V. I. Opere scelte in 12 volumi. M.-L., Cooperativa editrice dei lavoratori esteri nell'URSS, 1936; Opere scelte in 2 volumi, v. II. M., Ed. in lingue estere, 1949; Opere scelte in 6 volumi, v. VI. M., Editori Riuniti — Edizioni «Progress», 1975.

в единстве коммуникативной и прагматической (идейно-мобилизационной) функции. В этой связи большое значение для нашего исследования имел накопленный в СССР значительный опыт теоретической разработки проблем семантики ленинского текста и его ключевых элементов изучен вклад В. И. Ленина в формирование терминологической системы марксизма-ленинизма, особенности функционирования значимой лексики и фразеологии в полемически заостренном контексте, а также рассмотрены проблемы семантики и прагматики ленинских текстов в всем разнообразии их жанров¹. Основываясь на этом опыте основополагающим принципом лингвопереводческого анализа следует считать функциональную обусловленность всех значимых компонентов ленинского текста, в которой «языковая форма» идей, говоря словами философа-марксиста Г. Клауса, «должна носить такой характер, который соответствует в социально-психологическом и лингвопсихологическом отношении интересам тех, для кого она предназначена»².

Приступая к лингвистическому анализу, укажем, что важнейшая его задача — показать, как вышеперечисленные принципы находят отражение в переводе ключевого компонента ленинского текста — его терминологической системы, отражающей целостную понятийную систему марксистско-ленинского учения. Ленинская терминология не только логически обоснована, но и отличается гибкостью, подвижностью, богатством оттенков, связанных с узким и широким (в том числе, экстралингвистическим контекстом).

Особенности перевода ленинских терминов

Рассмотрим некоторые характерные особенности перевода терминологической лексики, употребляемой в системе значений и представляющей поэтому определенные трудности для перевода. Яркий пример диалектики общего и частного в термине — система значений терминов «партийность», «партийный». Наиболее общим в семантике этих терминов является их общеидеологическое содержание передаваемое в соответствии с традицией языка как d

¹ См. исследования Р. А. Будагова, Ю. С. Воронова, Е. И. Лобова, Г. А. Панова, Ю. Н. Тынянова и др.

² Клаус Г. Сила слова. М., Прогресс, 1967, с. 138.

parte, di partito. Наиболее полно это общее отражено в системе значений термина в философско-общеметодологическом контексте произведения «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.)¹:

«Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». (т. 18, 380)

«La filosofia contemporanea ha un carattere di parte, come l'aveva la filosofia di due mila anni fa.» (1975)

В работе В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.) одной из важнейших тем является тема политических партий нового типа (коммунистических), поэтому здесь появляется важный смысловой оттенок — партийность как выражение идеологии и политики рабочего класса и его авангарда — партии; не случайно поэтому подмеченное переводчиками тождество партийности в идеологическом и организационно-политическом смысле в следующем примере:

«Отрицание партийности и партийной дисциплины — вот что *получилось* у оппозиции.» (26)

«La negazione del partito e della disciplina di partito: ecco il risultato al quale è giunta l'opposizione.» (1975)

В обоих случаях не менее удачен был бы также перевод с прилагательным *partitico*², который позволил бы добиться более полной терминологизации понятия в языке перевода, тем более, что в том же переводе встречается удачное производное от него *apartitico* (*apartitici*), получившее права политического термина в итальянском языке:

«Партия непосредственно опирается в своей работе на *профессиональные союзы*, которые насчитывают теперь ... свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*». (31)

¹ Русский текст цитируется по: Поли. собр. соч. т. 18 — «Материализм и эмпириокритицизм», т. 41 — «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». При цитировании текста переводов указывается год издания каждого перевода.

² Это прилагательное давно вошло в политико-публицистический обиход, однако лингвисты пока относят его к числу малочастотных, указывая на большую употребительность производных от него, типа *apartitico*, *bipartitico* и т. д. (Migliorini В. Parole nuove. Milano, 1963, p. 212).

« Il partito poggia direttamente nel suo lavoro sui *sin dactati*, che contano oggi ... più di 4 milioni di iscritti e sono formalmente *apartitici*. » (1975)¹

Эта же проблема соотношения общего и частного в семантике термина несколько по-иному выглядит при переводе терминов «левый», «левизна». Система значений этого старого, известного со времен Великой французской революции термина, обогащается у В. И. Ленина новым идейно-смысловым содержанием; термин как бы семантически обновляется на глазах читателя, и в новой системе его значений выдвигается значение «левого» (кавычки!) оппортунизма в мировом коммунистическом движении наряду с этим термин употребляется в том же произведении для характеристики экстремистской стратегии и тактики мелкобуржуазной эсеровской партии. Перевод с передачей «внутренней формы» был бы приемлем, однако переводчики предпочли дать в заголовке «генерализующий» термин *estremismo* (в наши дни широко употребляющийся в прессе и в политической литературе с важным смысловым уточнением *di destra, di sinistra*). Закрепившись в таком виде, он повторяется и во всех остальных переводах при передаче заголовка. В тексте же самой работы, в системе значений, уже в первых переводах появилась и закрепились в терминологическом употреблении лексическая калька «*sinistrismo*» (с сохранением авторских кавычек). На пример:

«...Социалисты-революционеры» видели «левизну» в том чтобы хихикать над ... оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии...» (16)²

«I «*socialisti-rivoluzionari*» ravvisavano il «*sinistrismo*» nel dileggiare i peccati opportunistici ... della social-democrazia tedesca... » (1975)

¹ Характерная для последних переводов тенденция к строгой смысловой терминологизации здесь особо очевидна: в более ранних переводах этого отрывка использовалось слово *apolitici*, противоречащее контексту и шире — ленинскому учению о профсоюзах.

² У П. Тольятти в сходном контексте наблюдается полное тождество двух терминов, где один выступает в функции вторичной номинации по отношению к другому: «...la lotta di Lenin fu... una lotta su due fronti, nella quale era già, implicita e anche esplicita, la battaglia contro il *sinistrismo* o *estremismo infantile*» (T o g l i a t t i. *Problemi del movimento operaio internazionale*. Roma, 1962, p. 373)

Перевод образно-эмоциональной лексики и реалий

Трудности перевода терминологической лексики, как мы видели, связаны с особенностями лексико-семантической системы двух языков, в частности, с проблемой так называемой «внутренней формы» слова, т. е. не полностью совпадающей смысловой и стилевой традиции употребления слов-клек, их различных ассоциативных полей. Это еще более очевидно при анализе перевода образно-эмоциональной и экспрессивной лексики, которая, наряду с терминами, составляет основу ленинского словаря, зачастую также выступая в ленинском тексте в ключевой, проблемно-тематической функции. Особенно много эмоционально-оценочных дефиниций в языковой ткани анализируемой работы, имеющей ярко выраженную полемическую направленность¹.

Среди контекстуально терминологизированной образно-эмоциональной лексики особый интерес представляют оксюмороны. Их перевод во многом обусловлен тем, являются ли они терминами-заимствованиями (образованными путем лексического калькирования компонентов) или воспринимаются читателем и переводчиком как окказионализмы. Логико-смысловая структура традиционных ленинских оксюморонов типа «социал-предательство» (98) или «социал-шовинист» (т. 31, с. 118) проста, к тому же в ряде случаев сопровождается авторским разъяснением². Перевод таких словосочетаний есть перевод фразеологии, получившей права заимствования во многих языках.

Труднее обстоит дело с оксюморонами типа «горе-революционеры» и «революционеры фразы»; приведем примеры с контекстом:

«Освобождение» от таких горе-революционеров стоит пролетариату потом, после его победы, трудов самых тяжких, муки, можно сказать, мученской...» (82).

¹ Очень характерно высказывание П. Тольятти, особо отметившего «острополемический и наступательный характер» этой ленинской работы «... il libro (di Lenin) è... una polemica vivace e stringente.» (Ibidem, p. 317).

² См. ленинское определение: «Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 118).

Речь идет здесь у Ленина о людях, примкнувших к революции «из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов личной карьеры.» (там же).

«И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционерофразы, которые не хотели понять, что надо отступать...» (10)

Логико-смысловая структура двух этих словосочетаний в обоих случаях многопланова и дает возможность для различных трансформаций. В первом случае речь идет о «плохих революционерах» (так именно они и названы в предыдущем контексте — 82); одновременно автор хочет сказать, что такие революционеры приносят вред, т. е. что от них горе. Ранние варианты перевода дают нам общий «негативный» смысловой и стилистический план, используя яркие отрицательные эпитеты, но недостаточно глубоко при этом отражая суть: «...penosi rivoluzionari...» (1920); «...rivoluzionari-guastamestieri...» (1932); «rivoluzionari meschini...» (1936); «...rivoluzionari mancati...» (1949).

Этот ряд отрицательных эпитетов можно было бы продолжить, воспользовавшись в современных переводах распространенными в современном речевом обиходе выражениями с компонентами типа *da buttar via*, *da strapazzo*. Однако переводчики последних лет идут по иному пути: они стремятся к приданию концептуально-терминологического характера многим ленинским дефинициям, фигурирующим в таком контексте, где они выступают в функции, близкой к терминологической, в то же время сохраняя свою яркую экспрессивность; именно поэтому переводчики пользуются своего рода «генерализацией», при которой само определение оказывается менее окрашенным, чем в оригинале, но передается общая экспрессивность контекста (*pseudorivoluzionari*). Правильно ли поступают тут переводчики? Видимо, ответ на этот вопрос следует искать в своеобразии традиций итальянской политической литературы, где существуют иные, чем в русском тексте, средства экспрессии.

Еще более сложную структуру имеет выражение «революционеры фразы» — явное производное от часто употребляемого Лениным выражения «революционная фраза»¹

¹ См. работу В. И. Л е н и н а «О революционной фразе» (Полн. собр. соч. т. 35).

В советских переводах 30—40 гг. это словосочетание традиционно передавалось описательно: *facitori di frasi rivoluzionarie*, с выделением исходного смыслового компонента «революционная фраза». В зарубежных переводах и в последнем (совместном) встречаются различные варианты логико-смысловых трансформаций, замена одного образа другим; например, *rivoluzionari verbaioli* (1932) и *rivoluzionari a parole* (1975), т. е. революционеры на словах, а не на деле. Последний вариант закрепился во всех советских и зарубежных переизданиях 70-х годов, будучи короче и лапидарнее описательных и давая не менее четкую и афористичную характеристику явления.

Интересен и почти не изучен вопрос о переводе эмоционально окрашенной лексики и фразеологии, где экспрессивность создается В. И. Лениным за счет богатых морфологических возможностей русского языка, в частности, посредством суффиксов субъективной оценки. Так, при обосновании идеи политической неустойчивости мелкого буржуа В. И. Ленин дает градационный ряд с усилением признака (уже сам по себе являющийся фактором создания экспрессии):

«...мелкий собственник, мелкий хозяйчик..., испытывая при капитализме постоянно угнетение..., легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (14).

В ранних переводах «мелкий хозяйчик» морфологически калькировался: *piccolo padronucolo*. Однако, стремясь к большей терминологизации этого явно ключевого определения и опять-таки придерживаясь стилевых и частотных критериев словоупотребления в итальянском языке, переводчики 40—70 гг. отказываются от «форсирования» экспрессивности, достигая ее путем передачи общей экспрессивности контекста¹, и передают данное словосочетание как *piccolo padrone* (1949, 1975). Неожиданен этому другой интересный пример перевода термина (реалии) с явно, ка-

¹ Тенденция к частичной стилевой «нейтрализации» тех или иных видов значимой лексики при переводе ленинского текста на итальянский язык не только не противоречит задачам правильной, адекватной интерпретации оригинала, но и указывает на более глубокий, чем в прошлом, подход переводчиков к проблеме экспрессивно-эмоциональной адекватности, когда за основу берется не отдельное слово, а более крупный отрезок текста, т. е., в конечном счете, контекст высказывания.

залось бы, экспрессивно-оценочным суффиксом: эмигранщина:

«Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (8).

Во всех до единого просмотренных переводах «эмигрантщина», трактуемая как условия эмиграции, передается обычным словом *emigrazione*. Здесь у переводчиков нет очевидного «повышения», так же как нет и «снижения» стиля: русская историческая реалья обозначает понятие или явление, характеризующееся диалектически: условия эмиграции затрудняли работу первых русских марксистов, но в то же время способствовали усвоению ими передового опыта Европы, дали возможность установить богатые связи.

Вообще при переводе реалий (историко-политических а также бытовых), которыми, как правило, насыщены Ленинские произведения, необходимо исходить из их «функциональной роли»¹ в тексте. В. И. Ленин часто употребляет реалии в переносном, коннотативном значении; порой они выступают в его тексте в качестве семантических окказионализмов. Принцип функциональной обусловленности выбора варианта перевода ярко подтверждается на следующем примере:

«...Когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров..., мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии...» (38).

Слово «черносотенный» здесь требует знания исторического контекста: как известно, зубатовские организации официально черносотенными не назывались, а служили скрытой (внутренне черносотенной) формой борьбы с рабочим движением. Отсюда — правильность последних вариантов перевода: «...delle riunioni ... e delle società org

¹ См. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика, М., Воениздат, 1973, с. 251.

raie di tipo dei cento peri » (1948); « ...assemblee e società operaie ispirate dai centoneri... » (1975)¹.

Интересен случай иного, переносного употребления русской историко-политической реалии, в основе которого лежит прямая историческая параллель между фактами русской и немецкой политической жизни:

«Настоящая природа теперешних вождей «Независимой с.-д. партии Германии»... еще и еще раз обнаружилась во время немецкой корниловщины, т. е. переворота гг. Каппа и Лютвица» (96).

Характер экспрессивности этого сравнения иной, чем в предыдущем случае, но, тем не менее, экспрессивность налицо, и переводчики, постепенно отказываясь от нейтрально констатирующего варианта *il «Kornilovismo» tedesco*, передают эту реалию описательно, с удачной конкретизацией: *l'avventura korniloviana tedesca* (1975 и др.)

Уровни прагматики перевода

Предпринятый нами лингвистический анализ отдельных ключевых элементов текста и перевода тесно связан с прагматическим аспектом перевода ленинских текстов, в широком смысле определяемым как «отношение между языковым выражением и участниками коммуникативного акта — отправителями и получателями сообщения»². Безусловно, каждый перевод (и в том числе каждый из использованных при нашем исследовании) ориентирован на определенного читателя, на определенную историческую и культурно-идеологическую ситуацию. В рамках прагматики можно рассматривать и все виды проанализированных нами трансформаций, служащие целям максимально адекватной передачи отдельных элементов текста, в первую очередь, ключевых. Однако, изучая такую проблему, как перевод ленинского текста, имеющего огромное идейное влияние и историческое значение, нельзя было бы ограничиваться интерпретацией проблемы прагматической адекватности как суммы адекватно переданных терминов, реалий, образно-эмоциональных выражений, дефиниций

¹ Приемлем и даже более удачен вариант: *di tendenza centonera*, подчеркивающий идею аналогии, сопоставления и вполне соответствующий нормам и традициям итальянского политического словоупотребления.

² Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 239.

и т. д.¹. Думается, что прагматический аспект перевода ленинского текста должен включить в себя следующую иерархию уровней прагматики:

а) прагматически адекватный перевод отдельных элементов текста (см. выше о лексике), основанный на принципах ясности, максимальной смысловой точности и естественности звучания на ПЯ;

б) прагматически адекватный перевод больших по протяженности фрагментов текста, особенно развернутых до уровня абзацев, ленинских определений; причем здесь прагматическую адекватность мы понимаем диалектически: с одной стороны, часто цитируемые фразы и отрывки должны иметь постоянный эквивалент, с другой стороны, в сплошной текст абзаца, имеющий обычно у В. И. Ленина весьма разветвленную синтаксическую структуру, как правило, всякий раз вносятся необходимые изменения; уточняется смысл отдельных, в частности, вспомогательных звеньев текста, снимается нецелесообразное калькирование синтаксических конструкций, текст приводится в большее соответствие с нормами современного политического текста ПЯ. Именно эти явления отмечены нами при сопоставлении таких фрагментов текста оригинала и переводов, как определение диктатуры пролетариата, революционной ситуации, фрагмента о профсоюзах, рассуждения о неустойчивости психологии мелкого буржуа (статистика типов несовпадений не приводится ввиду небольшого объема статьи);

в) прагматически адекватную интерпретацию текста в целом, в совокупности всех его лингвистических и экстралингвистических аспектов с учетом соотношения между прагматикой оригинала и прагматикой перевода в конкретно-историческом и политическом смысле, или, говоря словами В. Н. Комиссарова, «ценность» перевода «с точки зрения достижения той цели, ради которой был создан текст перевода»².

Здесь мы уже имеем дело с уровнем исторической и социально-психологической прагматики, где прагматический критерий выступает как основной критерий адекватности

¹ Это подтверждается и мнением Л. С. Бархударова: «... Понятие прагматики не сводится исключительно к понятию прагматического значения языковых единиц.» Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., Междунар. отношения, 1975, с. 125.

² Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., Междунар. отношения, 1973, с. 190.

(или «ценности») перевода в процессе его функционирования в обществе: «В реальной жизни проверка перевода на адекватность осуществляется прагматически, т. е. в процессе совместной деятельности людей, языковое общение которых опосредовано переводом»¹. В нашем случае, если отождествлять критерий адекватности с критерием эффективности воздействия перевода на читателя, приблизительно равной эффективности воздействия оригинала на русского читателя, то следует признать, что каждый из проанализированных переводов выполнил поставленные перед ним задачи, так как в каждом случае обеспечивалась адекватная передача идейной направленности текста, его проблемно-тематического содержания и, кроме того, каждый перевод был шагом вперед в формировании школы перевода марксистско-ленинской литературы на итальянский язык. Безусловно, существует диалектическая взаимосвязь между этим, высшим уровнем переводческой прагматики и языковой тканью каждого перевода: под этим углом зрения и следует рассматривать все расхождения в переводах, перед которыми и на языковом уровне стояли несколько дифференцированные задачи (упомянем о тенденции к описательно-объяснительной передаче значимой лексики и фразеологии в выполненных в СССР переводах 30-х гг., объяснявшейся желанием переводчиков донести до широких, не всегда подготовленных, читательских масс именно содержательную структуру ленинских понятий и определений или о тенденции к более строгой терминологизации и стилевой «нейтрализации» определений и о большем тяготении в переводе к современной итальянской политико-публицистической традиции² — явлениях, столь характерных для переводов 60—70-х гг.).

Выводы

1. Исследование проблем перевода произведений В. И. Ленина на итальянский язык должно иметь в ка-

¹ Цвиллинг М. Я. О возможности прагматического (социально-психологического) подхода к проблеме адекватности. — В кн.: Вопросы теории и методики преподавания перевода, т. II, М., МГПИИЯ, 1970, с. 127.

² За рамки данной работы выходит весьма интересный вопрос о том, какую роль сыграли переводы произведений В. И. Ленина в деле развития и формирования традиций итальянской марксистской литературы, в частности, каким было их влияние на произведения Грамши и Тольятти.

честве исходного материала тщательный и всесторонний анализ текста оригинала, понимаемого как единство социально-исторической и языковой реальности.

2. Важнейшими принципами исследования (так же как и самого перевода) здесь должны быть **партийный** подход к подлиннику в целом и ко всем его смысловым и стилевым компонентам, а также **исторический** подход, предполагающий историческую обусловленность всех анализируемых явлений как лингвистического, так и экстралингвистического порядка.

3. Рассматривая проблематику перевода произведений В. И. Ленина с этих позиций, следует обратить особое внимание на прагматическую адекватность (ценность) перевода в целом и всех значимых его элементов, принимая во внимание как идейно-политические задачи перевода, так и функционально-стилевые традиции итальянской политико-публицистической речи, на фоне которой ленинский текст воспринимается итальянским читателем.

4. В плане изучения истории перевода ленинских текстов особенно полезно было бы применить контрастивный принцип, т. е. предпринять сопоставление не только перевода и оригинала, но переводов, выполненных в разные исторические периоды и в разной языковой среде.

II. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Н. Л. Самойлова

(Москва)

ВЫЯВЛЕНИЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ ПОМОЩИ КОМПЛЕКСНОГО СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО МЕТОДА АНАЛИЗА ТЕКСТА

(на материале английского языка)

Проблема обстоятельства как члена формально-грамматической структуры предложения далеко еще не разрешена. Данное исследование является попыткой выявить гносеологическую основу обстоятельственного компонента формально-грамматической структуры высказывания¹ при помощи предлагаемого комплексного семантико-синтаксического метода анализа (далее КССМ).

При проведении анализа мы руководствовались рядом теоретических положений, основными из которых являются:

1. Структура вербального мышления представлена понятийными категориями, которые находятся в определенных отношениях (т. е. образуют систему семантических категорий) и представляют собой структурную схему, моделирующую процесс отражения индивидом реальной действительности во всех ее проявлениях. Выделяются три основные понятийные (семантические) категории — предмет, процесс, признак. Соотношение этих категорий является универсальной статичной схемой, которой человек пользуется при формировании и выражении своих мыслей.

¹ Под высказыванием понимается минимальная коммуникативная единица, т. е. реализованное в речи грамматически оформленное предложение (простое, сложносочиненное или сложноподчиненное). О таком понимании высказывания как единицы синтаксического уровня см. Гиндин С. И. Внутренняя организация текста. АКД, М., 1976; Долинина И. Б. Проблема представления синтаксической структуры в грамматике членов предложения. — В сб.: Проблемы моделирования языка. Вып. 3.2, Тарту, 1969. Подробнее о критериях выделения высказывания как единицы исследования будет сказано ниже.

Семантические категории (СК) находятся в определенных отношениях и являются единицами системы семантических категорий (ССК). Зоны пересечения семантических категорий — это более усложненный семантический уровень в иерархии отношений, поскольку здесь имеет место определенное обобщение и абстрагирование.

2. ССК, в свою очередь, представляет собой исходное образование для семантической структуры (СС). СС — это обобщенное информативное содержание конкретной экстралингвистической ситуации, уже имеющей понятийное оформление, т. е., пользуясь ССК как абстрактной схемой отражения объективной действительности, индивид формирует для себя совокупное смысловое «осознание» ситуации реальной действительности. Без этого «осознания» не может быть сформирован смысл отдельного высказывания как суждения о какой-либо одной стороне (признаке, качестве и т. д.) воспринимаемого объекта (ситуации)¹.

3. Элементами СС являются нерасчлененные семантические единицы (НСЕ). Под НСЕ понимается единый нерасчлененный семантический комплекс, в котором представлены в свернутом виде все элементы, выражающиеся после соответствующей дифференциации грамматически оформленным предложением.

4. СС не может быть выделена целиком путем анализа грамматических структур. Она представляет собой лингво-понятийное осознание в совокупности отраженной экстралингвистической ситуации. Это осознание присутствует в любом высказывании, отражающем данную ситуацию и представляющем ее с разных сторон, в зависимости от «угла зрения».

5. СС — это движущаяся, все время обновляющаяся иерархия смысловых единиц НСЕ, образующихся в результате взаимодействия трех семантических категорий — предмета, процесса и признака — и отражающих сочетание тех

¹ Мы полностью разделяем точку зрения М. С. Венковича (см. Венкович М. С. Грамматическая структура и смысл высказывания. АКД. М., 1976), который считает, что, поскольку любой объект (ситуация) реальной действительности обладает множеством различных признаков, он может быть представлен во множестве высказываний в зависимости от того, какой признак будет отражен в том или ином высказывании, под каким «углом зрения» отображается в высказывании сигнификативное отражение ситуации (ср. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., Высш. школа, 1974, с. 39).

или иных конкретных денотативных признаков «обозначаемых объектов материального мира, которые составляют объект всякого конкретного высказывания»¹.

6. Переход от «застывшей» абстрактной схемы ССК к динамичной конкретной СС осуществляется в тот момент, когда у индивида возникает интериоризированная потребность (намерение) выразить в лексико-грамматической форме свое суждение (впечатление). Такое речемыслительное намерение мы назовем интенциональным движением². Возникнув, интенциональное движение организует семантические категории таким образом, который наиболее соответствует оптимальному отображению экстралингвистической ситуации и координирует их в пространственно-временном континууме.

7. Пространственно-временные характеристики потенциально заложены в ССК и актуализируются наличием интенционального движения.

8. Интенциональное движение является организующим началом для образования НСЕ на базе ССК.

9. НСЕ в таком случае выступает как гносеологическая основа будущего предложения. СС, которую составляют НСЕ (являясь ее элементами), представляет собой интенционально движущуюся иерархию НСЕ, тесно связанных, сплетенных между собой.

10. Реализация НСЕ в формально-грамматической структуре опосредована сферой семантико-синтаксических преобразований. Здесь происходит расщепление НСЕ³ на семантические компоненты — назовем их, согласно установленной терминологии, аргументами и предикатами, организация которых определяется предикативным отношением.

11. Предикативное отношение (предикация) — это интенциональное движение на уровне семантико-синтаксических преобразований. Это движущаяся организующая сила предложения (высказывания).

12. Семантические компоненты (аргументы и предикаты) реализуются в высказывании в зависимости от степени

¹ См. Венскович М. С. Указ. соч., с. 18.

² О понятии интенция см. Grice H. P. Utterer's meaning and intention. — Philosophical review, vol. 78, 1969, p. 147—177; Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969; А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976, с. 187—188.

³ НСЕ в сфере семантико-синтаксических преобразований будем называть РСЕ — расщепленной семантической единицей.

расщепленности РСЕ. Степенью расщепленности объясняется и существование в предложении так называемых конкретизаторов и распространителей¹ — форм валентно необходимых в предложении и форм валентно не необходимых².

Пользуясь понятием степени расщепленности, можно вывести закономерность образования конкретизаторов и распространителей: чем больше расщепление РСЕ, тем ниже валентностная взаимосвязь реализованных синтаксических элементов и тем больше их синтаксическая автономия в предложении.

Исходя из принятых положений, мы выделяем единицу анализа текста — высказывание. Поскольку степень расщепленности РСЕ влияет на синтаксическую валентность а следовательно, и на синтаксическую развернутость предложения, постольку в материал исследования включается не только простое предложение, но и сложноподчиненное (придаточные предложения рассматриваются как автономные полностью расщепленные члены главного предложения) и сложносочиненное предложение (простые предложения, входящие в его состав, считаются равноправными элементами, связанными по смыслу сочинительной связью).

Учитывая вышесказанные положения, предлагаются следующие гипотезы.

1. Гносеологической основой обстоятельства является точка пересечения трех семантических категорий: предмета, процесса и признака.

2. Основными характеристиками точки пересечения семантических категорий признаются пространственно-временные характеристики.

3. Выраженность обстоятельства в формально-грамматической структуре высказывания зависит от степени расщепленности РСЕ и может быть эксплицитной или имплицитной.

4. Формально-грамматические манифестации гносеологической основы обстоятельства характеризуются как семантическими признаками предикатной группы, так семантическими признаками аргументной группы.

¹ Библиографию по проблеме выделения конкретизаторов распространителей см. Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах. — НДВШ ФН, № 5, 1973.

² Под валентностью мы понимаем только синтаксическую валентность. В семантике — это большая или меньшая степень расщепленности РСЕ.

Для проверки и обоснования выдвинутых гипотез был применен комплексный семантико-синтаксический метод (КССМ) анализа текста, основными приемами которого являются:

1) Внутриязыковое перефразирование¹.

Смысл этого приема — выявление семантических различий в предложениях, характеризующихся сходными (тождественными) формально-грамматическими структурами. Тождественность понимается здесь не как формальное сходство структур, а как идентичность получающихся в результате окончательных понятийных ситуаций. Причем каждой формально-грамматической структуре соответствует своя РСЕ.

Выделяются следующие виды внутриязыкового перефразирования:

- а) синонимическая замена (перефразирование);
- б) трансформация номинализации;
- в) пассивная трансформация;

2) Межъязыковое перефразирование (перевод). Сущность этого приема заключается в выявлении тождественных логико-семантических отношений в предложении при переходе от формально-грамматической структуры одного языка к формально-грамматической структуре другого языка.

3) Логико-компонентный анализ высказывания. Суть данного приема в выделении семантических компонентов РСЕ, отношений между ними, их структурной организации, а также в подходе к РСЕ как к предикатно-аргументному единству.

При помощи приема внутриязыкового перефразирования были проанализированы случаи эксплицитного выражения адвербиального компонента в английском предложении. Следовательно, этот прием был применен нами для рассмотрения результатов полного расщепления РСЕ.

Несмотря на эффективность внутриязыкового перефразирования, основным исследовательским приемом явился для нас компонентно-логический анализ. Используя принятую в лингвистике структуру пропозиции как аргументно-предикатный комплекс, мы считаем необходимым оговорить независимый характер обстоятельства как фор-

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., Междунар. отношения, 1975, с. 167-168; Бархударов Л. С. К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения. — Теория языка. Англистика. Кельтология. М., Наука, 1976, с. 17-18.

мально-грамматическую манифестацию адвербиального компонента, а не как так называемый предикат 2-й степени, т. е. «нематричный предикат»¹, насланвающийся на первичную предикатную основу и представляющий собой свернутые предложения, каждое со своим предикатным словом. Такое заключение делается на основе того, что обстоятельственный член в предложении можно почти всегда перефразировать, заменив его придаточным предложением. Например: Они не могли выехать из-за плохой погоды — Плохая погода была причиной того, что они не могли выехать. Перефразировав обстоятельственный член «из-за плохой погоды» и получив предложение «Плохая погода была причиной того...», В. В. Богданов делает вывод о том, что этот обстоятельственный член является свернутым предикатным выражением «с имплицитным предикатом», который синтаксически подчинен сказуемому, а семантически подчиняет себе предикат, выраженный сказуемым. Но таким образом можно перефразировать почти любой член предложения. Например:

He bought an interesting book. — The book was interesting, that's why he bought it.

Тогда что же происходит на аргументно-предикатном уровне? Компоненты, которые называют предикатами 2-й степени, являются, на наш взгляд, пространственно-временными и логическими характеристиками пропозициональной функции. В зависимости от направления интенционального движения (предикации) в синтаксической структуре проявляется та или иная обстоятельная характеристика (времени, места, цели, уступки, причины и т. д.).

Но почему же именно обстоятельства являются носителями предикативности? Основные значения предиката (действие, состояние, свойство, отношение) всегда обладают пространственно-временными характеристиками, выраженными имплицитно или эксплицитно в зависимости от степени расщепленности РСЕ. Но эти характеристики

¹ В отличие от «нематричных предикатов» «матричные предикаты», по терминологии В. В. Богданова (см. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1977), — это независимые компоненты семантической структуры, с которых начинается ее порождение. «Нематричные предикаты» порождаются после «матричных».

присущи не только предикатным элементам, они могут характеризовать и аргументы. Например:

S_1 — E: The telegraph wires sang in the wind.

S_2 — R: Телеграфные провода гудят от порывов ветра.

S_3 — E: The wind made the telegraph wires sung.

Структуру S_1 — E можно представить как $S_1 \rightarrow P_c$ — $A_{об}$ — $A_{эл}$, а не как $S_1 \rightarrow P_c$ — $A_{об}$ — P_2 , где: P_c — предикат состояния; $A_{эл}$ — аргумент — элементив неодушевленного производителя действия; P_2 — предикат 2-й степени¹. Аргументный характер адвербиального компонента проявляется при использовании одного из видов внутриязыкового перефразирования — синонимической замены (предложение S_3 — E).

Следовательно, представляется уместным говорить не о предикатном (аргументном) характере обстоятельства и не относить его к разряду предикатов 2-й степени (что хотя и упрощает, но одновременно и затушевывает сущность адвербиального компонента), а к самостоятельной категории обстоятельственных характеристик, которая представлена на аргументно-предикатном уровне адвербиальным компонентом, а в формально-грамматической структуре реализуется в виде обстоятельственного компонента.

Таким образом, нами выделяется следующая структура PCE:

Предикатная группа	Аргументная группа
P — предикат	A_n — аргумент в одной из семантических функций -п
$Attr_p$ — предикатный атрибут	$Attr_A$ — аргументный атрибут
Obj_p — предикатный объект	Obj_A — аргументный объект.
$[Adv]_p$ — предикатный адвербиальный компонент	$[Adv]_A$ — аргументный адвербиальный компонент

[Adv]

Квадратные скобки обозначают необязательный характер принадлежности адвербиального компонента к той или иной группе. В зависимости от степени расщепленности PCE адвербиальный компонент может быть выражен автономной семантико-синтаксической единицей при полном расщеплении или тесно связанной с предикативным (аргу-

¹ Классификация семантических функций аргументов заимствована у В. В. Богданова.

ментным) элементом (группой) единицей при неполном расщеплении.

Приемы внутриязыкового перефразирования и логико-компонентного анализа необходимо дополнить приемом межъязыкового перефразирования (переводом). Отличительной чертой этого приема является возможность выявить при его помощи имплицитно присутствующие в предложении ИЯ (оригинала) признаки обстоятельственного компонента, проявляющиеся эксплицитно в предложении ПЯ (транслата). При переводе с одного языка на другой отыскивается прежде всего семантическое тождество, т. е. идентичные НСЕ в структурах обоих языков. Затем, согласно изменениям, происходящим в сфере семантико-синтаксических преобразований, эти тождественные НСЕ реализуются в формально-грамматической структуре ПЯ. Необходимым условием успешного осуществления процесса межъязыкового перефразирования является тождественность НСЕ ПЯ и НСЕ ИЯ (или «денотативная инвариантность» по Отто Каде¹, т. е. высказывание на ПЯ (S_2) является переводом высказывания на ИЯ (S_1), если $НСЕ_1 = НСЕ_2$ (их НСЕ тождественны, т. е. отражают одну и ту же экстралингвистическую ситуацию под одним и тем же углом зрения). Причем, способы расщепления $НСЕ_1$ и $НСЕ_2$ в сфере семантико-синтаксических преобразований, так же как и способы их реализации (S_1 и S_2) в формально-грамматической структуре, различны. При переводе то, что в тексте ИЯ может присутствовать имплицитно, эксплицируется и, таким образом, становится доступным для анализа. Например:

S_1 — E: |He felt the warm breeze on his finger.

S_2 — R: Влажная кожа ощутила теплое дуновение.

Предложения S_1 и S_2 имеют эквивалентные (тождественные) НСЕ, но расщепление их осуществлено по-разному. Так в $S_1 \rightarrow A_s - P - A_{obj} - [Attr]_A - [Adv]_s$ в аргументной группе, включающей A_s (аргумент-субъект), $[Adv]_s$ (адвербиальный компонент как эксплицитный результат неполного расщепления, соотносящийся с аргументом-субъектом) адвербиальный компонент обладает характеристикой ориентации экспериенсивного предикативного действия в пространстве. Принадлежность $[Adv]_s$

¹ См. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации. — Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., Междунар. отношения, 1978.

к аргументной группе подтверждается переводом (S_2-R). Так, в предложении $S_2 \rightarrow A_{экс} - P - A_{обл} - [Attr]_A$ расщепление РСЕ проведено иным путем: аргументная группа, состоящая только из $A_{экс}$ (аргумент-эксперненсив) не представляет эксплицитно субъекта действия, он присутствует в ней имплицитно. Такая расщепленность может быть названа неполной.

Свойство адвербиального компонента являться манифестацией элемента аргументной (предикатной) группы при обязательном наличии пространственно-временных характеристик представляется нам доказательством того, что гносеологической основой обстоятельства как элемента формально-грамматической структуры высказывания является точка пересечения трех семантических категорий: предмета, процесса и признака. Причем, вероятность достоверности определения обстоятельственного компонента возрастает при комплексном применении приемов внутриязыкового перефразирования, межъязыкового перефразирования и логико-компонентного анализа.

В. И. Шаховский
(Волгоград)

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЛЯЦИИ КОННОТАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПЕРЕВОДИМОЙ ЕДИНИЦЫ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА ОРИГИНАЛА

1. Согласно традиционной точке зрения, информативна только денотативная функция языка/речи. Наблюдения над семантикой языковых единиц и их функционированием показывает, однако, что эмотивная и экспрессивная функции языка тоже информативны, т. е. коммуникативно релевантны, так как эмотивные и экспрессивные единицы языка семантически значимы¹. Мнение некоторых лингвистов и переводоведов о том, что эмотивные и экспрессивные компоненты семантики языковых единиц имеют лишь стилистическую природу и поэтому являются объектом сти-

¹ См. об этом подробнее: Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики. — В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. Рязань, 1975, с. 3—25.

листики, а не семасиологии, вызывает сомнение: положение об их смысловой окрашенности¹ позволяет отнести коннотативные семы к смысловой стороне лингвистической проблемы².

Тезис о коммуникативной релевантности экспрессивно-эмотивно-оценочных: фонологических, морфологических, лексических, фразеологических, структурных средств языка³, а также и паралингвистических средств находит убедительное подкрепление при контрастивном изучении переводов с родного языка на иностранный и наоборот.

Как правило, совпадающие данные нескольких переводов одного и того же произведения являются оптимально объективными: при сравнении планов выражения в исходном языке (ИЯ) и в языке перевода (ПЯ) устанавливается инвариант содержания, включающий денотативную и коннотативную информации и адекватность функциональной доминанты⁴ в денотативном и коннотативном проявлении. Теория функциональной доминанты при трансляции текста на иностранный язык получила некоторое освещение в общетеоретических работах ряда ученых-переводоведов и лингвистов.

Так, О. Каде (ГДР) выдвинул и обосновал идею о том, что (Т) текст ИЯ и (Т) ПЯ находятся в отношении диалектической взаимосвязи, составляющей основу их эквивалентности⁵. Используя эту идею при контрастивном изучении ТИЯ и ТПЯ, мы можем в их содержании установить: а) **общее** — функциональную доминанту (денотативную или коннотативную) и инвариантную семантическую ин-

¹ См. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., Наука, 1976, с. 66.

² По мнению В. Г. Гака, экспрессивно-эмоционально окрашенные слова и морфемы могут выражать в составе высказывания информативный аспект номинаций. — В кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы) М., Наука, 1977, гл. VI.

³ См., напр., В. Н. Комиссаров. Проблемы лингвистического анализа перевода. Д. Д. М., 1975, с. 235: «выражение Источником эмоций при помощи языковых единиц также имеет коммуникативный характер, т. е. направлено на Рецептора» (выделено мной — В. Ш.).

⁴ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973, с. 142.

⁵ Каде О. К основным положениям теоретического осмысления перевода как человеческой деятельности. — В кн.: Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Ч. I, М., Изд. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1975.

формацию; б) особенное; идеоэтническое, в понимании С. Д. Кацнельсона¹; в) единичное; варианты особенности семантической информации в ТИЯ и ТПЯ.

Развивая идею О. Каде, мы не можем не отметить диалектические взаимодействия и противоречия, с которыми сталкиваемся при проведении контрастивного анализа ТИЯ и ТПЯ. Это, прежде всего, противоречие между двумя коммуникативными компетенциями², а также между коммуникативными ситуациями, для которых предназначены оригинал и перевод (напомним, что их языки и адресаты неизбежно различны). Эти и другие противоречия не могут не вызвать определенных различий в смысловой информации ТИЯ и ТПЯ, особенно на коннотативном уровне.

Диалектическое взаимодействие ТИЯ и ТПЯ проявляется в том, что национальные возможности каждого языка по-своему перераспределяют факты наднациональной действительности, включающей в себя и сферу эмоционально-квалификативной деятельности человека. Человек — сложное биопсихосоциальное существо, мыслящее и переживающее, и поэтому эмоциональность (одна из предельно-составляющих коннотативного уровня содержания коммуникации) как общечеловеческая универсалия требует своей реализации, различной по форме в каждом языке, и трансляции с одного языка на другой.

Изучение последних работ известных советских переводоведов (А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера) указывает на то, что эта область коммуникативной деятельности еще недостаточно исследована и описана. А между тем, необходимо признать, что коннотативный аспект содержания текста может нести информацию, нередко коммуникативно более значимую, чем его денотативный аспект.

Эмоции, как известно, являются неизбежным компонентом человеческой деятельности. Вот почему при разработке лингвистической теории перевода эмотивный аспект коммуникации должен быть обязательно учтен. Без этого нельзя получить ни одной более или менее адекватной модели трансляции на иностранный язык. Этот тезис подтверждает Х. Шмидт, в чем докладе убедительно по-

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и языковое мышление. Л., Наука, 1972.

² Нойберт А. Переводоведение с точки зрения социолингвистики. — В кн.: указ. в прим. 5, с. 26.

казано, что именно коннотативные компоненты информации нередко определяют при переводе выбор того или иного актуального эквивалента¹. Тем не менее проблема прагматической информации и прагматической ценности текста, важная как для лингвистики, так и для переводоведения, к сожалению, не нашла еще должного освещения. Это является, вероятно, следствием неразработанности проблем эмотивного языка² и семантической структуры коннотации³.

II. Одним из основных понятий теории⁴ эмотивного языка является коннотативный компонент семантики слова. Он имеет сложный набор характерологических сем, благодаря которым слово в языке/речи передает отношение говорящего к референту, а также дает информацию о состоянии говорящего и тем самым соотносится со сферой эмоционально-квалификативной деятельности человека. Наш анализ коннотативного компонента семантики слова в языке/речи показывает, что он состоит из следующих сем, синтезирующихся в речи в различных комбинациях, состав которых управляется ситуацией и целью коммуникации:

а) эмотивные семы⁴, с помощью которых человек выражает свои эмоции. Маркером этих сем является наличие (эксплицитное или имплицитное) сем-индикаторов: «чувство», «эмоция», или терминов конкретных эмоций — сем-квалификаторов: «ласкательность», «уничуждение» и пр. в словарных дефинициях⁵. В речи их маркером является ситуация и контекст. Например:

Louise took the bandaged hand tenderly in hers.
“Oh, the poor hand”, she said “Does it hurt?”

¹ Ш м и д т Х. Проблемы сопоставительного описания ограничений при стилистическом выборе. — В кн.: указ. в прим. 5, с. 26

² Проблематику эмотивного языка мы частично изложили в статье: К вопросу о семантической интерпретации эмоциональности. — В кн.: Исследования по романо-германскому языкознанию. Вып. 7, Волгоград, 1977.

³ По вопросу о семантической структуре коннотации, ввиду ее сложности и полифункциональности, единого мнения у лингвистов нет. Об этом свидетельствуют статьи, диссертационная и монографическая литература.

⁴ Методика пеленгации эмосем показана в работе: Т а н ь к о в а Г. В., Ш а х о в с к и й В. И. Опыт вычленения эмотивной семы и анализ ее актуализации. — В кн.: Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). Горький, 1974.

⁵ См. о привлечении формальных методов этого анализа в вышеуказ. работе.

Слово *tenderly* является квалификатором эмоции нежности, выраженной Луизой, женой главного героя — Скобби — во фразе “*Oh, the poor hand*”.

б) **экспрессивные семы**, благодаря которым отправитель речи целенаправленным (осмысленным) усилением степени качества семантики слова или созданием определенного образа воздействует на интеллект и чувства получателя речи в более сильной степени, чем с помощью только денотативных сем. Маркером этих сем, например, является эксплицитный или имплицитный элемент «очень», «более» в дефинициях языковых единиц¹. В речи каждый язык имеет свой набор интенсификаторов, необходимый и достаточный для него, например:

1. “*He sounds a bit of a swine*”, the boy said.

2. “*I did love him, but he seems so very, very gone*”.

(жена о своем умершем муже). Для того, чтобы убедиться в экспрессивной роли интенсификаторов *did, so* и *very, very*, достаточно провести элементарную трансформацию опущения: “*I loved him, but he seems gone*”.

в) **оценочные семы (апресемы)**, с помощью которых говорящий производит субъективную оценку референта. Эти семы обнаруживаются благодаря семам-квалификаторам «хороший», «плохой» в словарных дефинициях, а в речи так же, как и в случаях (а), (б), благодаря ситуации и контексту. Например:

1. Robinzon said, “*When will this filthy weather break? The rains are late*”.

(Отрицательное отношение к африканской духоте выражено эпитетом *filthy* и словом *this*, при дефиниционно-таксономическом анализе значения которых устанавливаем сему-квалификатор *bad*)

2. “*Oh*”, she said, “*to couple me with — that woman*”, she repeated, watching his eyes. “*You’d never leave her, would you!*”

Любовница Скобби выговаривает ему за то, что он не может торговать с женой). Эпитет *that*, как явствует контекст и ситуация, передает унизительно-презрительную оценку, благодаря апресеме *bad*.

¹ Подробнее о некоторых случаях прагматической неадекватности ТИЯ и ТПЯ см. в кн.: Перевод как аспект изучения иностранного языка. М., Изд-во Моск. ун-та, 1976, с. 61—69.

г) **стилистические семы**, благодаря которым говорящий регулирует семантическое согласование в речевой цепи соответствии с их функционально-стилевым фактором фактором нормированности. Объективное существование стилесем, сопутствующих семантике слова, определяет либо по словарным пометам, либо по признаку — стилистическая правильность (неправильность) высказывания. Так, например, стилистически неправильными являются следующие предложения:

1. *Графиня хлебала* щи с аппетитом. (русск. язык)
2. He *commenced to scratch his back*. (англ. язык)
3. Обращение парикмахера к рядовому клиенту:
"Neigen Sie *Ihr Haupt*." (нем. язык)

Во всех приведенных выше примерах нарушены фактор функционально-стилевой нормированности: грамматически правильные высказывания являются стилистически не правильными — выделенные сочетания являются отклонениями от нормы и потому не могут стилистически согласовываться друг с другом. В 1 и 2 примерах различна стилистическая отнесенность слов, а в 3 примере — ситуация (экстралингвистический фактор) налагают запрет на употребление (совстречаемость) выделенных единиц в высказывании.

Несовпадение функционально-стилевых характеристик составляющих аналогичные высказывания, как правило, если это не специальный стилистический прием, рассчитанный на определенный эффект, порождает нежелательный (избыточный) информационный шум, препятствующий правильному декодированию интенции высказывания: "Wie geht es Ihrer *Biene*?" (забота, шутка или оскорбление)

д) **прагматические семы**, благодаря которым говорящий (пишущий) и слушающий (читающий) на одном и том же языке, или на разных языках, адекватно реализует фоновую (лингвострановедческую) информацию. Под последним понимается связь конкретного высказывания с культурным историческим, политическим, этническим, социологическим и прочими идеоэтническими аспектами данного языка, составляющими его национальный колорит и формирующим его национальные стереотипы.

Без учета прагмем конкретного коммуникативного акта например, перевода, и без адекватного их декодирования реципиентом, отсутствует так называемое информационное равенство, т. е. общая платформа, необходимая для общения: в результате нарушается динамическая эквивален-

ность информации ИЯ и информации ПЯ. Так, например, патриотические чувства американца, [когда он произносит фразу "Old Glory" (разговорное название государственного флага США), не вызывают адекватного сопереживания у представителя любой другой нации, даже если он знает значение этого устойчивого словосочетания. Это объясняется тем, что в его опыте отсутствует семантическая соотнесенность данной фразы с системой контекстов норм американской культуры¹.

В структуре фондовой информации следует различать денотативные знания, необходимые для импрессивной речи, и коннотативные, необходимые для эмоционально-экспрессивной речи. Эти последние, формирующие так называемую суперлинейную семантическую значимость, и составляют наибольшую трудность для перевода, так как они чаще всего передаются не с помощью рационально-логического языка, а с помощью эмоционально-образного. Классическим примером² значения коннотативной прагмемы для эмоционального сопереживания людей, принадлежащих к разным культурам и говорящих на разных языках, является рассказ А. А. Потебни о греке, который пришел на берег моря и запел песню. А потом заплакал. Его попросили перевести слова песни. «Сидела птица, сидела, поднялась и полетела. Далеко-далеко». Затем он добавил: «По-русски ничего не выходит, а по-гречески очень жалко». Действительно, от такой рационально-логической передачи содержания песни у иностранца не возникает эмоционального сопереживания, его реакцию можно назвать нулевой. Необходимо знать следующие коннотативные прагмемы этого содержания, чтобы понять слезы грека:

1. Птица эта — Феникс, сжигаемая в огне и возрождающаяся из пепла, символ Родины для грека.

2. Песню поет грек-изгнанник на чужбине во время освободительной войны греков с турками.

Но даже и поняв грека, для того, чтобы заплакать вместе

¹ Вот почему «целесообразность выделения национально-культурных особенностей общения в специальную область исследования диктуется не только теоретическими, но и практическими соображениями». Национально-культурная специфика речевого поведения. М., Наука, 1977, с. 12.

² Пример заимствован из кн.: В е р е щ а г и н Е. М., К о с т о м а р о в В. Г. Язык и культура. М., Русский язык. 1976, гл. 10.

с ним, надо быть на его месте. Эстетическая ценность трансляции греком содержания песни на русский язык практически равна нулю: этот перевод для русского человека ассоциативен.

На снижение эстетической ценности перевода «работают» все коннотативные семы содержания оригинала: эмоциональные, экспрессивные, оценочные, стилистические прагматические. Далеко не всегда можно найти их аналог или подыскать адекватную им замену в ПЯ. В таких случаях в ПЯ будет даваться комментирование, осуществляемое в терминах логически-рациональной информации, что далеко не адекватно эмоционально-образной¹. Наблюдения показывают, что «особенное» и «единичное» в содержании ТИЯ и ТПЯ реализуются, в основном, на коннотативном уровне перевода. Наибольшую «особенность» при этом представляет личностный смысл эмотивного компонента, выступающего почти всегда в синтезе с оценочным и экспрессивным компонентом содержания текста и поэтому являющегося главным конституентом коннотативного уровня, его стержнем. Исходя из предложенной выше типологии сем коннотативного уровня, надо признать, что коннотативный компонент информации — это некая вещь в себе, а принципиально познаваемое явление, которое в целях анализа может быть выделено дискретно или как варианты синтеза перечисленных сем в единицах различных уровней языка и речи.

Коннотативный компонент семантики может быть присущ системе, а не только синтагматике, он может быть одним из значений слова, т. е. ЛСВ, например, у *roog*, *deaswine*. Он может быть одним из имплицитных или эксплицитных семантических множителей (сем) значения, например: *that*, *some*, *notorious*, или единственным содержанием слова: *Oh! Hell! Damn! rotten, lovely* и т. д.

В синтагматике коннотативный компонент значения возникает в результате взаимодействия определенного контекста и ситуации, выступает как импликация: “They took a *little* trip for a *little* weekend to a *little* cottage where they wrote *little* poem on a *little* theme” (в данном случае — коннотация уничтожения).

¹ См., напр. многочисленные случаи такого комментирования кн.: *An Anthology of Soviet Prose. Comp. by S. Andreyeva. M., Progress, 1971*; с. 66: старуха (*pop.*) wife; с. 80: уж, вот, *emphatic particles*; с. 125: бурьянные былки (*dial.*) blades of weeds; с. 155: Вил Виленька, *dim. of the name* Вильгельм.

Следует различать **направленность** семантики коннотативного компонента (положительная — отрицательная), **тип** (любовь — уничтожение, ирония, ненависть и пр.) и ее **интенсивность** (слабая, средняя, сильная).

Лексика и фразеология, имеющая в своем значении эксплицитно или имплицитно выраженную эмосему и ее сателлитов: апресему и экспресему в составе словаря, может быть объединена в лексико-семантическое поле «Эмоции и оценки», имеющее в качестве коррелирующего совокупного денотата (экстралингвистика) квалификативную сферу человеческой деятельности. Поскольку шкала эмоций является одной из общечеловеческих универсалий, такие поля, несомненно, существуют во всех языках. Другое дело, что их конфигурация и состав могут и должны различаться. Типологическое изучение, обобщение и описание этих полей лингвистикой окажет существенную помощь переводчикам в плане избавления переводов от коннотационных искажений.

Поскольку коннотативные семы а, б, в могут быть одним из семантических параметров некоторой части лексики и фразеологии любого языка, этот параметр должен быть отражен в лексикографическом справочнике, либо в дефиниции, либо в стилистической помете. В таком случае он обязательно будет учтен переводчиком при репрезентации в ПЯ коннотативной функциональной доминанты содержания текста ИЯ. С этой точки зрения проблема коннотативного компонента семантики языковой единицы и его локализации в словарных дефинициях становится объектом специальных исследований и лексикографов¹. Значительно сложнее дело обстоит с компонентом «г». Задача создания би- и полилингвострановедческих словарей настоятельно требует скорейшего решения.

III. Как известно, коннотативная информация наиболее активно сопротивляется передаче на иностранный язык из-за идеоэтнических различий языков. Так, например, средства и способы выражения одних и тех же эмоций в языках могут существенно различаться, поэтому

¹ См. об этом: Шаховский В. И. Английские эквиваленты русских дериватных существительных эмотивно-субъективной оценки в билингвистических словарях. Ученые записки, т. 195, вып. 20, М., Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. 1967; большой теоретический и практический интерес в этом плане представляет специальное диссертационное исследование Т. В. Лиховидовой. Фразеологическое толкование коннотативного значения фразеологических единиц. Канд. дис. М., 1978 (рукопись).

переводчик фокусирует свое внимание не на соблюдении средств и способов, а на коммуникативной установке: на правленности, типе, интенсивности эмотивного аспекта содержания подлинника. Как неоднократно отмечалось в переводческой литературе, тексты ПЯ и ИЯ будут динамически эквивалентными, если будут адекватными и только интеллектуальные, но и эмоциональные реакции реципиентов текстов ИЯ и ПЯ.

В качестве примера приведем два перевода:

1. ИЯ *Wozu den Leuten da unnötig Geld in den Hals schmeißen!*

ПЯ: Чего ради отдавать ему лишние деньги!

В предложении ИЯ, помимо денотативной информации содержится эксплицитная коннотативная информация, конституируемая стилесемой (разговорная окраска), эмосемой (эмоциональная окраска высказывания), апресемой (негативная оценка факта информации), экспресемой (предложение маркировано образной выразительностью). Это «букет» сем содержится в немецком фразеологизме *In de Hals schmeißen* и в структуре высказывания.

При переводе информации, заключенной в немецком предложении, на русский язык сохранены стилесема (через разговорное сочетание «чего ради») и эмосема (через восклицательный знак). Экспресема образности не передана вообще, а апресема негативности передана с меньшей степенью интенсивности, что вызывает нетождественные эмоциональные реакции реципиентов ИЯ и ПЯ.

2. ИЯ: *Moved by this thought she paused and exclaimed "Oh, isn't that just the classiest, darlingest little coat you ever saw!"*

ПЯ: Взволнованная этой мыслью, она остановилась и воскликнула: «Ну, что за прелестный жакетик!»

Контрастивный анализ информации, передаваемой английским и русским вариантами, показывает, что там, где речь идет о фактологической, т. е. денотативной информации (авторская ремарка), сравниваемые варианты ИЯ и ПЯ эквивалентны, а в той части, где информация насыщена коннотациями (прямая речь), динамическая эквивалентность оригинала и перевода нарушена. Даже без скрупулезного анализа видно, что английский вариант более экспрессивен, чем русский: оформление эпитетов

class, darling суперлативным суффиксом делает трехкомпонентное выражение положительной оценки неэквивалентным русскому эпитету «прелестный». Да и сама структура английского предложения (наличие усилителей ever, just, isn't that) более экспрессивна, чем его русский перевод.

Таким образом, структурно-лексическое выражение эмоциональной оценки в ИЯ является более интенсивным, чем в ПЯ, и объективирует большую степень аффектации говорящего, чем это передано при переводе.

Различие в объеме и качестве коннотативной информации оригинала и перевода в обоих случаях составляет коннотативный остаток, из-за которого можно говорить лишь о соответствии предложения оригинала предложению перевода, но никак не об их динамической эквивалентности, так как эмоциональные реакции получателей этих предложений будут несколько различаться.

IV. Контрастивный анализ довольно большого числа переводов и оригиналов показывает следующее.

1. Корреляция ТИЯ и ТПЯ происходит по формуле «тоже, да не то же». И по формуле и по содержанию они варианты. Наибольшее варьирование наблюдается в плане коннотативной информации, так как коннотации наиболее трудны для перевода в силу идеоэтнических различий языков.

2. В связи с этим утверждения о принципиальной переводимости любого значения на иностранный язык, очевидно, можно распространить только на денотативные значения. Из-за коннотативных различий в ТИЯ и ТПЯ их восприятие, в принципе, может быть относительно адекватным, но далеко не во всех случаях эквивалентным.

3. Традиционное противопоставление смысловой и эмоциональной информации, по нашему мнению, требует пересмотра, так как материалы контрастивного сопоставления содержания ТИЯ и ТПЯ позволяют относить эмоциональную информацию к варианту смысловой. Осмысленный отбор тех или иных вербальных средств выражения эмоциональности в зависимости от коммуникативной интенции указывает на прохождение эмоций через сознание и, следовательно, на то, что эмоциональное может быть частью рационального. Поэтому эмоциональное и рацио-

нальное необходимо различать, а не противопоставлять, они не образуют бинарной оппозиции.

Изучение процесса передачи коннотативной информации с одного языка на другой: составление инвентаря средств выражения эмотивно-субъективной оценки в каждом языке, установление системных связей между ними внутри каждого данного языка и между разными языками (тип логический аспект), а также сведение полученных данных в специальные справочники для переводчиков, — является далеко не маргинальной задачей лингвопереводоведения, лексикографии и методики обучения иностранным языкам.

III. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

С. С. Прокопович
(Москва)

АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА?

Изучение истории и культур отдельных народов неизбежно ставит перед исследователем вопрос о проникновении одной культуры в другую, о заимствованиях и влиянии их друг на друга. Этот процесс наиболее заметен и, может быть, наиболее изучен на материале художественной литературы, и не случайно в двадцатом веке наблюдается резкое оживление литературоведческой компаративистики. В поле зрения ученых начинают все больше и больше попадать вопросы, связанные с общением культур, «культурной коммуникацией», а в рамках последней видное место всегда принадлежало переводчику.

Есть в истории человечества периоды, когда происходит особенно усиленный обмен культурными ценностями между отдельными нациями. Не случайно Гораций писал об одном из таких периодов:

Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,

В Лаций суровый внеся искусства... (Пер. Н. Гинцбурга)¹

Преклонение перед греческой культурой было явлением довольно распространенным в Древнем Риме, но оно могло уживаться с чувством прямо противоположным, с сознанием глубокого морального превосходства и самобытной ценности культуры «римской». Цицерон, который высоко ценил греческую образованность, писал, тем не менее, в «Тускуланских беседах»:

Помпей, наш родственник, лежал больным в Неаполе, и вдруг начал поправляться: тогда жители Неаполя, Путеол и окрестных городов явились к нему с поздравлениями,

¹ Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., Худож. лит., 1970, с. 369.

огромной толпой и с венками на головах; нелепо это выглядело и очень по-гречески...¹

Уже в ту пору общение культур не носило однозначный характер. Новое, «переводное» принимали, отвергали, хвалили, ругали, с ним спорили, его и н т е р п р е т и р о в а л и. При этом речь шла не столько об обычаях, традициях, сколько о произведениях греческих поэтов, философов и т. д., которые усиленно изучались и переводились на латинский язык; и хотя интерпретация несомненно подспудно присутствовала на заднем плане (интерпретация является неотъемлемой стороной всякой переводческой деятельности, подчеркивает в своей книге Карл Буццетти²), тем не менее не она, а принцип адекватности определял общее направление переводческой деятельности в эпоху античности.

Образцовым в Древнем Риме считался лишь такой перевод, который, с одной стороны, учитывал бы законы своего языка, а, с другой, стремился бы передать своеобразия семантики и структурной организации текста оригинала. Цицерон, в частности, утверждал, что переводчик должен сохранить *genus omnium verborum vimque*³ оригинала, и переводить при помощи оборотов, слов и выражений привычных читателю⁴.

Новый взрыв переводческой активности принесли с собой крестовые походы. Среди трудов ученых (главным образом, арабских), к которым приобщилась образованная латинская Европа, были произведения Аристотеля в изложении Аверроэса, что, в свою очередь, дало толчок развитию европейской философии, достигшей своего наиболее целостного и законченного выражения в учении Фомы Аквинского. Философия аквината строилась на трудах Аристотеля, точнее, на их особом, «христианском» восприятии, где аристотелевский текст, во многом искаженный, имел подчиненное значение по отношению к общим духовным запросам, а эти запросы связывались, в первую очередь, с необходимостью разработки и совершенствования католического учения, так как «религия в средние века была и системой права, и политической доктриной, и моралью

¹ Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. М., Худож. лит., 1975, с. 236.

² Buzzetti C. La parola tradotta. Morcelliana, 1973, p. 19.

³ Idem. p. 331.

⁴ Idem.

ным учением и философией. Она, — заключает Н. И. Конрад, — была синтезом всех надстроек над феодальным базисом...»¹.

Потребуются усилия не одного поколения переводчиков-гуманистов, чтобы вернуть текстам Аристотеля их первозаданную форму, очистить их от наслоений! предыдущей эпохи. Филологические изыскания, пристальное внимание к тексту, стремление восстановить его первоначальную форму неизбежно должны были поставить перед гуманистами проблему адекватности перевода.

Оба текста должны иметь одинаковую силу, перевод должен соответствовать оригиналу, но в чем: в форме, букве или по смыслу, значению? Для Сервантеса сомнений не было: настоящий перевод лишь тот, читая который «невольнo задаешься вопросом: где же тут перевод и где подлинник?»²

Но можно переводить и по-другому:

«Черт побери! — воскликнул Дон Кихот. — Да вы, однако же, понаторели в итальянском языке! Готов биться о любой заклад, что там, где по-итальянски стоит слово *riace*, ваша милость переводит *угодно*, слово *rii* вы переводите *больше*, *su* — *вверху*, а *giu* — *внизу*»³.

Нельзя не согласиться с Дон Кихотом, что при подобной передаче (слова — словом) перевод оказывается «все равно что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне»⁴.

Прежде выступали против переводческого буквализма с позиции здравого смысла⁵. Точка зрения Сервантеса неизмеримо богаче. Ее, как нам представляется, можно выразить следующим образом: **здравый смысл плюс эстетическая ценность.**

Интересно, что подобную же точку зрения отстаивал в то время в России поэт Симеон Полоцкий (XVII в.), защищая свое право переводить «во исполнение разума»⁶

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., Наука, 1972, с. 89.

² Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. II, М., Худож. лит. с. 465.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ср., напр. св. Иероним: *Si ad verbum interpretor, absurde resonant.* Цит. по: Buzzetti С. *Op. cit.* p. 332.

⁶ Культурное наследие Древней Руси. М., Наука, 1976, с. 196.

(т. е. не дословно, а следуя законам родного языка). Он выдвигает эстетический момент в качестве одной из основных своих задач: его перевод «Псалтыри рифмотворно» должен услаждать «рифм слух и сердце»¹, не только передавать определенную информацию, но и оказывать на читателя известное эстетическое воздействие.

Текст перевода обособляется от оригинала, приобретает ценность самостоятельного литературного произведения. Следующим шагом, очевидно, должна была стать проблема связи и соотношенности между собой семантико-стилистического уровня двух текстов и, следовательно, их функциональная взаимозаменяемость.

Перевод должен быть адекватным, то есть восприниматься как оригинальное произведение на «своем» языке и одновременно быть произведением чужим. Подобные требования столь трудно соединить вместе, что потери здесь будут неизбежны даже в том случае, если мы обратимся, как это предлагают отдельные теоретики перевода, к некоему «общечеловеческому языку» как принципиальной основе и гаранту переводимости частных языков². И дело не в том, что каждый язык обладает только ему одному присущей лексико-грамматической структурой. В нем выражены особенности бытия, мироощущения и культуры той или иной нации или эпохи, что создает немалые трудности для перевода. Возьмем, например, такую фразу:

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи...³

Едва ли «общечеловеческий язык» поможет нам «перевести» лаконичность и силу пушкинской зимней ночи и язык народов тех стран, где нет не только морозов и снега, но и других неизменных атрибутов зимы.

Не менее трудными для современного, тем более адекватного восприятия являются тексты культур и эпох с нас отдаленных. Известно, что каждый этап в развитии общества обладает только ему одному присущим своеобразием мировосприятия. Поэтому тем более недопустим

¹ Там же, с. 197.

² См. Тетради переводчика, № 10. М., Междунар. отношения, 1973, с. 13.

³ Пушкин А. С. Собр. соч., М.-Л., Худож. лит. 1968, т. I, с. 18.

когда мы суждения или оценки сегодняшнего дня или одной культурной формации переносим на эпохи и культуры иные, тем самым пытаюсь составить себе адекватное, то есть максимально точное представление о другой эпохе на основе критериев, ей не свойственных¹.

Контакт двух эпох, двух миров сводится не только к переходу с одного языка на другой (в рамках одной культуры это может принимать форму перевода с языка более древнего на язык современный), но и к неизбежному сравнению — сопоставлению двух различных культур, что, прежде всего, подразумевает готовность последних к диалогу, известную их «открытость», стремление понять друг друга.

Перевод с одного языка на другой — это и взаимное проникновение культур, обогащение одной из них за счет элементов другой, но также и известный отбор элементов чужой культуры. Проникая в незнакомую среду, новые элементы принимаются обществом только в том случае, если происходит их плодотворный контакт с самобытными силами этой среды. При этом новое опирается в культуререцепторе на уже имеющиеся родственные элементы, воспринимается во многом через их посредство, то есть строго избирательно, ибо только понятные и близкие нам по духу вещи попадают в поле нашего зрения, становятся объектом направленной переводческой деятельности.

Но какие струны новое произведение должно тронуть в душе читателя, чтобы он признал его своим, заинтересовался бы им, включил бы его в круг своих интересов? Из истории стран Западной Европы мы знаем, что, с одной стороны, необходимы материальные предпосылки — общность или близость культурно-исторического развития, а с другой, — известные духовные предпосылки, что видно на примере обращения Западной Европы XI—XII вв. к древнеримскому законодательству.

Так, итальянец Ирнерий (1060—1140 гг.) в Болонье в своих лекциях начинает толковать «Дигесты», римское право, языческое по своему происхождению, и оно довольно быстро распространяется по всей христианской Европе. Его «популярность» может быть объяснена, как ни странно, тем, что европейцы были подготовлены к его восприятию... латинским переводом Библии!

¹ См. в частности: Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1972.

Уолтер Ульманн в своей книге «Средневековые основы ренессансного гуманизма» высказывает соображение, что «доходчивая терминология имеет неопределимое значение при введении нового учения», и развивает это положение на примере латинского перевода Библии («Вульгаты»): «Латинский перевод Библии содержал в себе великое множество терминов, выражений и идей, почерпнутых из римского права с целью передать довольно распространенный юридический характер библейских текстов, особенно Ветхого Завета. Эти элементы римского права человек заучивал подсознательно, одновременно с текстом самой Библии»¹.

Восприятие нового, как мы видим, возможно при сведении его — в известной степени, конечно, — к уже знакомому, хорошо известному. При этом подобное сведение никогда не будет полным, иначе «культурная коммуникация» начисто исключит всякий элемент новизны и тем самым социальной ценности для рецептора: если два явления культуры совпадают по всем параметрам, значит они суть порождение одной системы, и, следовательно, никакого контакта двух миров не происходит.

Новое заимствуется культурой в силу информативной ценности тех элементов формы и содержания, которых нет в старой системе ценностей и понятий; новое дополняет систему-рецептор недостающими в ней элементами, которые, однако, воспринимаются во многом через параметры уже имеющиеся; новое, тем самым, никогда не заимствуется во всей своей полноте, но преломляется, интерпретируется в обстановке культуры-рецептора.

На рубеже античности и средневековья столкнулись между собой две казалось бы взаимоисключаемые традиции: христианство и язычество. В этой борьбе победил христианство, но язычество не было уничтожено — его просто приспособили к новым задачам. И если древние авторы не оказались безнадежно утраченными, этим мы обязаны во многом тому счастливому обстоятельству, что потесненная языческая культура (ее формальные аспекты прежде всего) должна была вводить человека в мир прямо противоположный, в мир Священного писания.

¹ Ullmann W. Medieval Foundations of Renaissance Humanism. Ldn., 1977, p. 41.

Не менее поучительной в плане культурной коммуникации является история распространения в национальных литературах Западной Европы образа идеального рыцаря.

* * *

Классической страной средневекового рыцарства принято считать Францию и, в частности, Нормандию, откуда оно проникло в другие литературы путем заимствования, переводов, пересказов или оригинальной разработки уже известных сюжетов, причем каждая нация выделяла в рыцарстве наиболее созвучные ей черты, оставляя в стороне другие. Поэтому, как нам кажется, мы можем и должны говорить о национальном типе рыцаря, получившем распространение в данной конкретной литературе.

Так, например, Роланд одного из первых переложений на немецкий язык «Песни о Роланде» значительно отличается от своего французского оригинала. Он вместе с Карлом Великим превращается в рыцаря-миссионера; огнем и мечом насаждают они среди неверных «истинную» религию, а те, вполне понятно, ее тотчас же принимают¹. Обостренная религиозность вообще свойственна литературе той эпохи и, в частности, немецкой. Особенно резко эта черта проявит себя в Германии в эпоху Возрождения, которое будет проходить во многом в русле религиозной реформы.

Иначе воспринималась фигура рыцаря в Италии. И хотя сам рыцарь был хорошо знаком итальянцам, особенно на Юге Италии, где начиная с XI века обосновались нормандские завоеватели, «рыцарский мир... был для нас только легендой или романом»,² — напишет в XIX веке знаменитый итальянский литературовед Де Санктис при разборе «Неистового Орландо». Тем не менее, этот мир оказал значительное влияние на итальянскую литературу XIII—XIV вв., в частности, на трактовку известных сюжетов и литературных героев. Примером этого может служить новелла о Нарциссе («Новеллино», новелла XLVI). Героем новеллы более не является красивый юноша, сын речного бога Кефиса и нимфы Лаврионы: это любезный и прекрасный **рыцарь** (buono e bellissimo cavaliere). Не от-

¹ У И т а п п W. Op. cit., p. 73.

² Д е С а н к т и с Ф. История итальянской литературы. М., Прогресс, 1964, т. II, с. 26.

вергнутые Нарциссом нимфы, а женщины, которые случайно сошлись у фонтана и увидели утонувшего там юношу, извлекают тело Нарцисса и оплакивают его, но оплакивают как дамы своего рыцаря. И цветок, выросший на могиле Нарцисса, не цветок смерти, а символ весны и вечной живой любви. Любовь и связанные с ней тревожные неутрачиваемо характеризуют героя-рыцаря:

Ведь рыцарь без любовного порыва
Лишь с виду жив, но сердце в нем не живо.
(Боярдо. Влюбленный Роланд. Пер. С. Шервинского¹)

Таким был рыцарский канон в литературе XIII—XV вв. На этом каноне воспитывался и Боккаччо в период своего пребывания в Неаполе; его первые произведения, как указывает Р. Хлодовский, были по сути дела рыцарскими романами².

Но эти романы или, точнее, стоящие за ними стереотипы изменяются, когда Боккаччо переносит их в типичную городскую среду «Декамерона». Рассмотрим в этой связи новеллу о Федерико дельи Альбериги (V, 9).

Главный герой новеллы — «молодой человек.., который в делах войны и в отношении благовоспитанности считался выше всех других юношей Тосканы»³. Кажется, что он сошел в «Декамерон» со страниц рыцарского романа, где все положительные герои отличаются красотой, доблестью, благовоспитанностью и благородством происхождения.

Федерико дельи Альбериги, как истинный рыцарь, влюбляется в красивую и благородную даму. Это — искреннее чувство, которое принесет ему немало горечи, но это также и определенный ритуал (*si come il più de' gentili uomini avviene* — «как то бывает с большинством благородных людей»). Подобную «формулу» Боккаччо использует и в новелле о Настаджио дельи Онести, где герой, знатный рыцарь, тоже влюбляется *si come de' giovani avviene* — «как то бывает с юношами».

Турниры, подарки и празднества не помогли Федерико дельи Альбериги завоевать сердце любимой женщины — помог ему случай, а точнее, его сокол. Он женится по

¹ Цит. по кн: П у р и ш е в Б. И. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения. М. Учпедгиз, 1947, с. 91.

² См. Вопросы литературы, 1978, № 3, с. 287.

³ Б о к к а ч ч о Дж. Декамерон. М., Гослитиздат, 1955, 349.

любви, которой все же не чужды и материальные интересы: рыцарь превращается в расчетливого горожанина, который, «получив в жены такую женщину, которую он любил, став, кроме того, богачом и лучшим, чем прежде, хозяином, он в радости и веселии провел с ней остаток своих дней» (*così fatta donna e cui egli cotanto amata avea, per moglie vedendosi, e oltre a ciò ricchissimo, in letizia con lei, miglior massaiò fatto, terminò gli anni suoi*).

Щедростью, граничащей с расточительством, поддерживали свой социальный престиж феодалы. Щедрость без расточительства — вот тот акцент, который вносит в эту общественную категорию Боккаччо, лишая ее одновременно социальной обусловленности. (Ранее было принято считать, что щедрыми могут быть только дворяне-рыцари, тогда как горожане жадны по своей природе.)

Герой девятой новеллы десятого дня «Декамерона» мессер Торелло не может похвастаться знатным происхождением. Тем не менее он принимает у себя дома Саладина, султана Вавилонии, с такой роскошью, с какой его мог принять разве что знатный синьор. И хотя Боккаччо всячески подчеркивает высокие «рыцарские» достоинства своего главного героя, тем не менее, оппозиция простой гражданин — знатный синьор незримо присутствует в новелле¹. Саладин, однако, не сомневается, что по своим достоинствам мессер Торелло может быть приравнен к дворянину-рыцарю, более того, здесь установка на определенный нравственный идеал делается особенно заметной: мессер Торелло (простой горожанин!) провозглашается эталоном благородства и рыцарства для всего христианского мира.

«Клянусь богом, не бывало человека более совершенного, более учтивого и более внимательного, чем этот; и если короли христианские настолько же короли по себе, насколько он — рыцарь, то султан Вавилонии не сможет отразить и одного, не только что всех тех, которые, мы видим, на него снаряжаются»².

Следовательно, рыцарский кодекс чести может быть усвоен и в среде казалось бы ему чуждой. Это происходит, с одной стороны, за счет отказа от традиционных сословно-ограничительных атрибутов, с другой стороны, — путем расширительного толкования основных рыцарских добро-

¹ Там же, с. 352.

² Там же, с. 612.

детелей. Например, такое качество, как *valore* (доблесть) уже не обязательно должно проявлять себя в ратных подвигах на поле боя (хотя эта сторона *valore* продолжает оставаться достаточно существенной). На первый план выходит понятие *cortesia* (учтивость), которое подчиняет себе целиком все поведение того или иного персонажа, возвышаясь до уровня нравственного идеала всего общества, а не одной, избранной его части.

«Этикетные» рыцарские качества, ранее автоматически отождествлявшиеся со статусом рыцаря, начинают в «Декамероне» постепенно терять свой социально-ограниченный характер. Рыцарские персонажи и контексты, которые они включены, образуют в рамках «Декамерона» регистр, соответствующий высокому стилю, но это одновременно и шкала этических ценностей, значение которой далеко выходит за рамки одного сословия. Это — нравственный идеал всего общества книги Боккаччо.

Итальянскому горожанину в XIV веке лишены в законодательном порядке сословных привилегий и прав рыцарь больше не представлялся врагом опасным и непримиримым. Нет противопоставления горожанина рыцарю и городской литературе. Ведь и те, и другие жили в одном и том же городе, у них были одни и те же интересы в торговых, ростовщических и ремесленных предприятиях.

С другой стороны, захватывая свободные или общинные земли, сами горожане-пополаны превращались в крупных землевладельцев и «сеньоров» сельских общин, подменяя собой в этой области дворян-феодалов. Не случайно Л. А. Котельникова («Особенности развития феодализма в Северной и Средней Италии в IX—XIV вв.»¹) говорит о «феодализации» пополанов, которая шла параллельно урбанизации дворян-феодалов. Этот процесс привел в конечном итоге к складыванию в итальянских городах новой социально-экономической общности.

Новые условия наложили свой отпечаток на восприятие куртуазно-рыцарской программы в демократической среде городов Северной Италии, где, по словам В. Ф. Шишмарева, поэзия *egoismo cavalleresco* превращается в поэзию *civismo*².

Эти особенности, как нам представляется, объясняются следующими обстоятельствами:

¹ См. История Италии, т. 1, М., Наука, 1970, с. 71—129.

² Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., Наука, 1972, с. 59.

1. Рыцарство и дворянство если и были категориями смежными, то никогда — взаимозаменяемыми: дворянство в итальянских городах было неизмеримо многочисленнее традиционного рыцарства;

2. Вследствие смешения пополанов и грандов в городской среде произошло фактическое — но не формальное — растворение рыцарства как особой касты. В плане языка это выразилось в определенной десемантизации слова *cavaliere*, за которым более не стоит во всей полноте и первоначальной социальной направленности куртуазно-рыцарская программа.

Но если образ рыцаря можно понимать и интерпретировать по-разному, то, следовательно, по-разному будет интерпретироваться и переводиться слово *cavaliere* на русский язык. Для иллюстрации этого положения приведем несколько примеров, взятых из двух имеющихся переводов «Декамерона». Причем, мы преднамеренно не обращаемся к новеллам с типично рыцарским сюжетом, где действие происходит или при дворе короля, или в феодальном замке (IV, 9 и X, 1), так как в этом случае перевод *cavaliere* — *рыцарь* предreshен с самого начала.

«Decameron»

Перевод А. Веселов-Перевод Н. Любимова
ского

cavaliere assai da bene e costumato (V, 4) il più leggiadro e il più dilicato cavaliere (II, 8)

состоятельный, благовоспитанный рыцарь самый привлекательный и изысканный рыцарь

добропорядочный дворянин обворожительнейший и любезнейший из всех живших в его время дворян

di ricchissimo e gran mercatante in Francia cavalier divenuto (I, I) cavaliere assai valoroso e da bene (VII, 6) cavaliere per virtù e per nobiltà di sangue ragguardevole assai (X, 4)

из богатого и именитого купца он стал кавалером богатый и почетный рыцарь рыцарь, очень почтенный, по своим доблестям и благородству крови

именитый и богатейший купец., получивший дворянство доблестный и состоятельный дворянин славившийся своими достоинствами и своею родовитостью молодой дворянин

un cavalier, chiamato messer Neri degli Uberti (X, 6)

некий рыцарь, по имени Нери дельи Уберти

некий дворянин, мессер Нери дельи Уберти

povero cavaliere (X, 6) nobile cavaliere (X, 6) Il cavaliere, savio e ben parlante (X, 9)

бедный рыцарь именитый рыцарь рыцарь, умный и речистый

несчастный человек достойный человек мессер Торелло, человек умный и красноречивый

Мы видим, что оба переводчика значительно расходятся в интерпретации слова *cavaliere*, причем у Н. Любимова

в тех случаях, когда контекст новеллы не является преимуществу рыцарским, или же туда включены представители других сословий, cavaliere почти никогда рыцарь! Такая интерпретация вполне закономерна, ибо на наш взгляд, она соответствует тем глубинным процессам, которые в XIII—XIV вв. происходили в обществе и культуре городов Северной Италии и вылились в Возрождение.

Такая интерпретация не менее поучительна и потому что она не подчинена абстрактному кумиру лингвистически адекватного перевода, где точность выступает чаще всего синонимом буквализма. Все большее число исследователей подчеркивает особое свойство поэтического языка, к которому неприменимы обычные методы исследования, заимствованные у лингвистики. Совершенно справедливым представляется нам замечание Л. Гинзбург, что «художественный образ, художественное слово, по своей природе многозначное, символичное, ассоциативное, однозначно описать нельзя, его можно только интерпретировать, со всей неизбежной для интерпретации субъективностью»¹. Это обстоятельство должен учитывать и переводчик при работе над текстом перевода, подвергая переосмыслению семантически насыщенные в данном культурном контексте слова, как они фактически переосмыслились обществом в эпоху создания «Декамерона», а также и в других аналогичных ситуациях. Но переосмыслить — значит интерпретировать, следовательно, мы можем говорить не об адекватном переводе, а, скорее, о переводческой интерпретации, более или менее близкой оригиналу — в зависимости от степени знания эпохи и культуры.

Ю. Л. Оболенская

(Москва)

КАЛАМБУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОД НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Перевод каламбуров был и остается камнем преткновения для зарубежных переводчиков. Отметим, что отечественные мастера художественного перевода уже довольно успешно справляются с этой задачей, избавившись

¹ Вопросы литературы, 1978, № 4, с. 187.

от неизменной в прошлом сноски «непереводимая игра слов». Очевидно, успех советских литераторов не случаен: это итог не только многолетнего практического опыта, но и высокого уровня теории художественного перевода, достигнутого за последние годы.

О стилистической роли каламбуров написано довольно много, причем, обычно каламбур рассматривается как средство достижения комического или сатирического эффекта¹. В работах по теории перевода имеются разделы, в которых выявляется природа, «механика» словесной игры, основанной на созвучии слов — омонимов или паронимов, нарушении или переосмыслении фразеологических сочетаний, а также полисемии слов; исследователи отмечают многообразие форм и путей создания каламбура в оригинале и в переводе². В настоящей работе не рассматривается техника каламбура и средств его передачи вообще, а анализируются лишь те общие и, главным образом, особенные черты, которые характеризуют словесную игру в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и других его произведениях, а также пути, какими три испанских переводчика — Альфонсо Надаль, Рафаэль Кансинос Ассенс и Аугусто Видаль — пытаются воссоздать эту игру своих переводах³.

Условно каламбуры у Достоевского можно разделить на следующие группы:

1. Каламбуры с именем собственным (исторической личности, мифологического персонажа, названием общественного движения), причем опорный компонент каламбура может быть выражен и иноязычным именем; но доми-

¹ См. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, Изд-во АН УССР, 1958; Гвоздев А. Н. Черки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1955; Буагов Р. А. Введение в науку о языке. М., Просвещение, 1965; Фимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., Изд-во Моск. ун-та, 1953.

² См. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., Изд-во Моск. ун-та, 1978; Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., Вышш. школа, 1968; Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., Госгиздат, 1954; Любимов Н. Перевод — искусство. — В сб.: Мастерство перевода. 1963, М., Сов. писатель, 1964.

³ Dostolevski F. Los Hermanos Karamazov. Tr. por Nadal. Madrid, 1927, vv. I—IV; Dostolevski F. Obras completas. Tr. por R. C. Assens. Madrid, Aguilar, 1961, vol. I—III; Dostolevski F. Crimen y castigo. Tr. por. A. Vidal. M., Progreso, 1977, vv. I—II.

пируют в этой группе каламбуры со смысловыми именами собственными.

2. Каламбуры, основанные на омонимии слов и словосочетаний, на «ошибочной», «народной» этимологии, на неправильном словоупотреблении, на «разложении» фразеологизмов.

3. Каламбуры, основанные на полисемии слов¹.

Оговоримся сразу, что подобное подразделение весьма условно, поскольку каламбуры Достоевского, за редким исключением, «текучи», в них смешаны и подчас неразделимы различные типы словесной игры, да и сами понятия опорного компонента (стимулятора каламбура) и результирующего (результанты) по отношению к каламбурам Достоевского, как мы убедимся, довольно условны.

Наиболее распространен в произведениях писателя первый тип словесной игры — игры с именем собственным. И если в таком каламбуре стимулятор выражен смысловым (значащим) именем, эффект каламбура значительно возрастает: во-первых, потому что автор, обыгрывая, как правило, один из элементов имени (или выявляя его этимологию), подчеркивает его значимый характер, раскрывая, тем самым, образ героя; а во-вторых, мнимые огорки, ошибки часто становятся ярким характеристическим штрихом в портрете того, кто их совершает. Отметим, что комический эффект в игре со смысловым именем почти всегда сведен к нулю. Перевод каламбура такого типа, одной стороны, формально обусловлен русской формой имени собственного, но сама игра строится не столько на созвучии, сколько на обыгрывании значения внутренней формы имени. И хотя оба компонента каламбура можно рассматривать как обычные паронимы, важно понять и передать функциональную, смысловую значимость каждого из них. Правильный перевод каламбура этого типа, следовательно, невозможен без адекватного воссоздания внутренней формы смыслового имени, участвующего в игре. Например:

¹ Здесь и в дальнейшем я в основном придерживаюсь классификации типов перевода каламбуров, данной В. С. Виноградовой в кн. «Лексические вопросы перевода художественной прозы», где автор, руководствуясь принципами формальной обусловленности и необусловленности перевода, выделяет соответственно две группы каламбуров-созвучий, а к третьей группе относит каламбуры, основанные на полисемии. Такое разделение представляется справедливым, но по отношению к каламбурам Достоевского требует определенных оговорок и дополнительных корректив.

Я... Вразумихин, не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин... (V, 125)¹

Р. К. Ассенс: ...soy Vrazúmijín, no Razúmijín, como todos me llaman... (II, 100)

И далее:

Вчера, в присутствии господина Рассудкина... (V, 313) (Преступление и наказание)²

Р. К. Ассенс: ... ayer en presencia del señor Rassudkin... (II, 227)

Двойное обыгрывание имени, функционально-значимое в оригинале, в подобном переводе может вызвать лишь недоумение. Действительно, зачем герой искажает свою собственную фамилию, да еще так энергично, и почему другой герой изобретает для него новую, мало похожую фамилию; а из контекста легко понять причину и этого искажения, и этой оговорки.

Принципиальное значение имеет отсутствие перевода следующего каламбура:

— Ну Карамазов или как там, а я всегда Черномазов. (IX, 253)

А. Надаль: — Bueno, Karamazov o lo que sea; yo siempre digo Chernomazov... (I, 335).

Этимология фамилии героев романа, выявленная в оговорке, осталась скрытой, каламбур исчез, а ведь содержательная значимость символа, заключенного во внутренней форме этого имени, очень велика.

Еще один пример:

... А Машка эта — не Простакова, а Прохвостова... (далее идет объяснение, почему она заслуживает этого имени). (Вечный муж, IV, 508)

Р. Ассенс: ...у la tal Maschka no se llama Prostakova, sino Projvostova.. (II, 1013)

И вновь транслитерированные фамилии не передают (хотя бы неполно, приблизительно, — в сноске, например)

¹ Здесь и далее текст оригинала цитируется по: Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти томах, М., Гослитиздат, 1956—1958. Переводы цитируются по указанным выше изданиям. В скобках римской цифрой обозначен том, арабской — страница.

² Далее примеры, взятые из романа «Братья Карамазовы», даются без указания источника, все остальные примеры сопровождаются названием произведения, из которого они взяты.

содержания словесной игры, что явно обедняет оригинал, а противопоставление двух вариантов «немого» иноязычного имени остается непонятным.

Своеобразное обыгрывание значащего имени (ключи собаки), осложненное употреблением фразеологической единицы, обнаруживается в следующем примере:

— Звон? — переговорил доктор, не поняв, что такое Перезвон.

— Да не знает, где он. (X, 66)

А. Надаль: — Perezvón¹ — repetíó el doctor intigado.

— Ha oído campanas y no sabe dónde.

¹ Perezvón — repique de campanas. (IV, 904)

Р. Ассенс: — Zwón¹ dijo el doctor, sin comprender significado de Perezvón.

— Ha oído campanas y no sabe dónde².

¹ Perezvón significa repique de campanas.

² El texto ruso dice únicamente: ¿No sabe dónde está (III, 436).

Изящный, остроумный каламбур, в котором происходит двойная игра, — сначала выделяется значащая основа имени, а затем эта основа «притягивает» к себе фразеологизм, причем не весь, а лишь вторую его часть. Сама же основа — слово «звон» (и стимулятор, и результат) вместе с восстанавливаемым из ситуации контекстом — образует первую часть поговорки: «слышит звон». Непривычность новизна употребления поговорки, а вместе с тем и своеобразии каламбура, построенного на «разложении» фразеологизма, в обоих переводах исчезли. Причины неудачи несколько: это и транскрибирование имени, потребовавший сносок, сводящих на нет комический эффект, и восстановление опущенной в оригинале первой части поговорки.

К рассматриваемому типу каламбуров примыкает и игра с именем собственным — терминологическое сочетание и перевод этого каламбура, как мы увидим, не может быть признан формально обусловленным:

Приступим теперь к Соединенным Штатам, как это в гимназии у нас называли. Предупреждаю, штаны горжусь... (Преступление и наказание. V, 136)

Р. Ассенс: ...Pasemos ahora a los Países Bajos como decíamos en el colegio. Te prevengo que ... de estos pantalones me siento orgulloso. (II, 107)

А. Видаль: Ahora pasemos a los Estados Unidos de América, como decíamos en el gimnasio... estos pantalones... (I, 162)

В каламбуре обыгрывается как созвучие паронимов «Штатам — штанам», так и забавное совпадение определения «соединенные» в названии государства с внешним признаком этого предмета туалета. В данном случае для перевода неважно было сохранение названия именно этого государства, так как обыгрывалась в основном его звуковая оболочка. Поэтому переводчик мог отступить от оригинала, с тем чтобы воссоздать комический эффект игры. С этой задачей успешно справился Р. Ассенс, сумевший передать и суть, и форму каламбура, сохранив значение опорного компонента — название страны во множественном числе, его созвучие с результатной, причем в его игре появился еще и дополнительный сближающий признак — условно общее пространственное расположение. А. Видаль, сделавший свой перевод много позже, оставил каламбур без внимания.

Еще более сложным случаем игры со смысловым именем и фразеологизмом, и даже не со значением фразеологизма, а с его иноязычной формой, является каламбур:

...строит куры Хохлаковой... (X, 103)

А. Надаль: ... hacía la corte a esa señora. (Jojlacova) (IV, 956)

Р. Ассенс: ...hace corte a esa señora Jojlacova. (III, 487)

Игра строится на созвучии значащей фамилии «Хохлакова» и компонента фразеологизма — варваризма — «строить куры» (*фр.* «faire la cour», что означает «льстить, волочиться, любезничать»). Именно в этом значении фразеологизм употреблен во фразе, но его смысловое значение в игре не учитывается, обыгрывается лишь его звуковая оболочка; таким образом, омонимически сближаются два иноязычных слова. На наш взгляд, стимулятором каламбура послужила фамилия героини, а «куры» во фразеологизме стали результатной, поэтому при переводе необходимо было передать значение смыслового имени, а затем подобрать созвучный фразеологизм. В обоих вариантах перевода этого не произошло, переводчики заменили галлицизм испанским эквивалентом (что, кстати, неверно передает его функцию в оригинале).

Примеров «чистых», неосложненных каламбуров-созвучий с именами собственными реальных исторических деятелей, мифологических персонажей, названий политических движений и т. п. в произведениях Достоевского не много. Но перевод их также довольно труден, потому что иноязычная форма имени всегда обуславливает форму второго компонента каламбура. Единственно возможный путь передачи такого имени — его транслитерация, а для воссоздания второго компонента игры переводчику приходится отыскивать созвучное русскому имени испанское слово либо самому заняться словотворчеством, либо искать иной третий путь. Рассмотрим случаи перевода таких каламбуров:

Господин исправник, будьте нашим... Направником (далее поясняется, кто такой был Направник).....

Да, да, вы исправник, а не Направник! (IX, 54)

А. Нададь: "Senor Ispravnik sea nuestro Napravnik..."

Vos sois inspector y no director. (I, 89)

Р. Ассенс: "Gospod ispravnik sea usted nuestro Napravnik."

Si usted es el ispravnik y no Napravnik. (III, 49)

Каламбур осложнен тем, что второй компонент представляет собой реалию. Р. Ассенс в своем переводе идет по наиболее простому пути — транслитерируя реалию имя, он добивается созвучия, но комический эффект каламбура остается выявленным не до конца, поскольку фамилия «Направник», хотя и невыдуманная писателем, семантически значима, так же как значима и реалия «исправник». Необходимость передачи значения внутренней формы имени и реалии почувствовал А. Нададь, его каламбур "sois inspector y no director" частично восполнил неизбежную при переводе этой сложной словесной игры потерю

Перевод простого, на первый взгляд, каламбура Мити Карамазова также потребовал от переводчиков значительных усилий:

...Мне нужно две бутылки, чтоб опьянеть, —

И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле,

а я и четверти бутылки не выпил и не Силен. Не Силен, а силён, потому что решение навеки взял. (IX 136)

А. Надаль: ...yo necesito dos hotellas para parecerme a Sileno

No he bebido ni medio cuartillo y no estoy achispado. No estoy achispado, pero estoy iluminado¹, porque...

¹ En sentido teológico, que se adapta mejor que la traducción del juego de vocablos que aparece en el texto (I, 187)

Р. Ассенс: ...yo necesito dos botellas para embriagarme

Pero yo no he bebido la cuarta parte de una botella ni soy tampoco Sileno. No soy Sileno, pero soy fuerte, porque... (III, 100)

Мы специально привели большой отрывок текста, чтобы было понятно, почему Митя считает, что он «не Силен, но силён»; переводчики, воссоздавая подобный каламбур, должны руководствоваться прежде всего контекстом. Буквализм Р. Ассенса в передаче каждого слова оригинала подвел его; напротив, отступление от буквы оригинала позволило А. Надалю удачно перевести каламбур, его вариант действительно (как он без ложной скромности сообщает в комментарии) передает душевное состояние Мити после «взятости» им решения.

Формально обусловлен и перевод каламбура, в основе которого лежит иноязычное слово — название воинствующего направления в католицизме — «ультрамонтанство». Сравним каламбур в оригинале и в переводах:

— Чистейшее ультрамонтанство!

— Э, да у нас и гор-то нету! (IX, 79)

А. Надаль: ¡Puro ultramontanismo!

¡Pues no somos ni montanistas! (I, 82)

Р. Ассенс: ¡Ultramontanismo puro!

¡Bah, pero si nosotros no tenemos ni siquiera montel (III, 65)

Как мы видим, в оригинале игра построена на переводе основы варваризма. В испанском языке этот каламбур таким путем передать невозможно (о чем свидетельствует перевод Р. Ассенса), так как значение внутренней формы слова «ultramontanismo» «прозрачно» для испаноговорящего. «Прозрачность» формы использует Р. Ассенс для воссоздания словесной игры, каламбур получился, но утратил оригинальность, присущую ему в подлиннике. У А. Надаля

игра строится на сопоставлении двух производных от слов "monte" терминов. Формально каламбур вроде бы и передан, но явно неудачно, ибо искажает идейный смысл игры слов в оригинале: «Куда нашей русской ортодоксальной церкви до неограниченного папского влияния на религиозные и светские дела — на равнине живем, не за горами». В переводе А. Надаля ультрамонтанству противопоставлено управление испанской католической церкви, существовавшее во II веке — монтанство, ратовавшее за более строгий церковный устав, умерщвление плоти и т. п. Об этом управлении в России скорее всего и не слышали, оно — испанская реалья, и вводить ее в каламбур было нельзя.

При переводе подобных каламбуров переводчик всегда должен следовать принципам, четко определенным Н. Любимовым: «Если каламбур имеет совершенно определенное социально-политическое значение, если он имеет идейное значение, переводчику надлежит направить все усилия и передать его с художественной точностью. Там же, где преследуется чисто звуковая игра, переводчик вправе отступить от буквы оригинала, если иначе ему не создать того самого комического эффекта, которого добивался автор»¹.

В качестве примера чисто звуковой игры, хотя и на иноязычной основе, можно привести каламбурное название рассказа:

«Крокодил, необыкновенное событие или пассаж в Пассаже».

Р. Ассенс: "El cocodrilo, extraordinario acontecimiento o el paso del Pasaje".

Переводчик не потрудился передать забавный каламбур, хотя совершенно ясно, что Достоевский дополняет название рассказа этим «привеском» исключительно ради словесной игры.

Перевод второго, менее распространенного в произведениях Достоевского типа каламбуров, основанных на синонимии слов, словосочетаний, ошибок употребления слов и фразеологизмов, отличается от первого типа тем, что он свободен от «оков» иноязычной формы опорного компонента, то есть формально не обусловлен.

Удачно воссоздан подобный каламбур из рассказа «Вечный муж» Р. Ассенсом:

¹ Любимов Н. Перевод — искусство. — В сб.: Мастерство перевода. 1963, М., Сов. писатель, 1964, с. 249.

...Мы «девицы, на которых нужно дивиться». (IV, 530)

...unas señoritas que señorean... (II, 1027)

Омонимия форм существительного и глагола передана игрой слов с равнозначным содержанием внутренней формы.

На омонимии беспредложной и предложной форм существительных построен следующий каламбур:

Я эту сосну помню как со сна. (IX, 268)

А. Надаль: ...recuerdo aquel pino como si lo viera en sueños. (II, 360)

Р. Ассенс: ...recuerdo ese pino como en sueños... (III, 179).

Далее Р. Ассенс дает длиннейшую сноску с объяснением природы каламбура в оригинале и его транскрипцией.

Каламбур, так поразивший недалекую г-жу Хохлакову, в переводах обоих переводчиков исчез, и комментарий Ассенса тоже не передает его смысла.

Еще один пример омонимического обыгрывания слова и словосочетания:

...Мы будем его руководить, то есть попросту его руку водить... (Преступление и наказание, V, 126)

Р. Ассенс: ...le llevaremos de la mano, es decir, le llevaremos la mano. (II, 101)¹

А. Видаль: ...le guiemos, sencillamente le conduciremos la mano. (I, 152)

Каламбур, основанный в оригинале на омонимии, или даже на своего рода «народной» этимологии («руководить — рукой водить»), в переводе Р. Ассенса воссоздан с помощью многозначного глагола “llevar”, а в переводе А. Видаля, как и в прежних случаях, оставлен без внимания.

Ф. М. Достоевский, очень любивший вдруг по-новому «высветить» значение привычного слова, вскрыть стертую метафоричность фразеологического сочетания и всегда блистательно добивавшийся этого, часто использует этот прием для создания каламбура. Так, трансформация Алешей Карамазовым фразеологизма «на равной ноге» в «на высшей

¹ Здесь вновь следует обширная сноска-комментарий с объяснением каламбура и затранскрибированным русским его вариантом. Надо отметить, что Р. Ассенс явно злоупотребляет подобными сносками, сопровождая ими почти все без исключения каламбуры, что не может не портить впечатление даже от удачно переведенного каламбура.

ноге» (А. Надаль: “en un plano de igualdad” и “y no sólo de igualdad, de superioridad”; Р. Ассенс: “nuestro igual” “superior a nosotros”) приводит далее к каламбурному разложению фразеологизма:

...Я вас...уважала, да на равной ноге, а теперь буду на высшей уважать. (IX, 271)

А. Надаль: ...lo he respetado... en un plano igual mas, ahora, empiezo a considerarlo en un plano superior (II, 364)

Р. Ассенс: ...le tenía respeto, pero en un pie de igualdad, ...pero ahora lo respetaré en un pie de superioridad.. (III, 181)

В переводе опорного компонента — исходного фразеологизма — Ассенс и Надаль дают смысловой перевод лишенный каких-либо грамматических или лексических отклонений от нормы его употребления (что, конечно, не отражает каламбурной оговорки Алеши). Далее Ассенс калькирует искаженный фразеологизм, правда и этот перевод нельзя признать точным, поскольку несовпадение в переводе искаженной Алешей фразы с ее новой интерпретацией лишает каламбур его источника, размывает его функциональную значимость. Не совпадает исходный фразеологизм с результирующим и в переводе Надаля.

Еще более ярким примером каламбурного разложения фразеологизма, «оживлением» его метафоричности представляется обыгрывание сочетания «остаться с носом»:

«Если строгая судьба лишила вас носа, то ... никто... не осмелится вам сказать, что вы остались с носом... ибо, потеряв нос, вы тем самым... все же как бы остались с носом». (X, 175)

А. Надаль: “si el destino cruel os ha privado de narices teneis, en cambio, la ventaja de que nadie os tirará de ella”.

“...desde que perdísteis la nariz, vais como arrastrado tras ella.” (IV, 1044)

Р. Ассенс: “Si el Destino, severo, le privo de la nariz ... nadie podrá ya decirle que la haya quedado con un palmo de narices...”

“...Al perder la nariz, ya es como si se hubiese usted quedado con dos palmos de narices...” (III, 500)

Как видно по обоим вариантам, переводчики поняли суть словесной игры, основанной на обыгрывании свобод:

ного и несвободного словосочетания. Идиоматическое значение слова «нос», освобождаясь от фразеологической среды, утрачивает свою метафоричность и, выступая на протяжении довольно длинного отрывка в различных словосочетаниях, приводит к комическому эффекту, переданному обоими переводчиками. Вариант Р. Ассенса представляется нам более удачным и точным, потому что в данном отрывке один и тот же фразеологизм употребляется пять раз (один раз чуть измененным), и во всех пяти случаях Ассенс сохраняет единообразие оригинала, а в переводе А. Надаля чередуются два сходных по значению фразеологизма: “tirar de la nariz” (в качестве основного) и “quedarse con un palmo de nariz”.

Перевод третьего типа каламбуров, основанных на полисемии опорного компонента, мы также проиллюстрируем примером из романа «Братья Карамазовы». Этот каламбур интересен тем, что он «двухступенчатый»; результирующий компонент первой части игры выступает в качестве опорного компонента второй ее части. Необычная структура каламбура, конечно, увеличивает его комический заряд, но и усложняет задачу переводчиков.

«Ваша супруга щекотливая женщина-с.» — «А вы ее щекотали?» — «Да, говорю, щекотал-с». — Ну тут он меня и пощекотал... (IX, 54)

А. Надаля: “Vuestra esposa es muy quesquillosa...” “¿Le habéis buscado las cosquillas?” — “Sí... aun me cosquillea la cara desde aquel tremendo bofetón...” (I, 89)

Р. Ассенс: “Su señora es muy delicada...” “¿Es que le ha hecho usted cosquillas?” “Sí, le he hecho cosquillas. Bueno, pues él fué el que me hizo a mí cosquillas...” (III, 49).

В оригинале обыгрывались два значения глагола «щекотать»: основное и разговорно-просторечное («отколотить»), а также производное от него прилагательное «щекотливый», то есть «деликатный». Интересно, что оба переводчика отказались от прямого перевода русского глагола «щекотать» и каждый использовал свой вариант его передачи, зависящий от выбранного глагола. У А. Надаля это: “buscar las cosquillas” — “ублажать”, у Ассенса: “hacerle a uno cosquillas” — “возбуждать желание или любопытство”. А. Надаля омонимически передал первую часть каламбура, а затем использовал полисемию глагола *cosquillar*. У Р. Ассенса

сенса исчезла первая часть игры, и в этом смысле его перевод уступает варианту Надаля, но многозначность избранного им эквивалента для русского глагола, в свою очередь придает дополнительный оттенок каламбуру в целом; кроме того, его перевод лучше воссоздает речевую характеристику персонажа, и в нем нет переводческой вставки как в варианте А. Надаля.

В статье были рассмотрены три типа каламбуров, встречающихся в произведениях Ф. М. Достоевского. Анализ каламбуров показал, что их деление на типы довольно условно: каламбуры Достоевского чаще всего «смешанные», или «двухступенчатые»; при этом игра, основанная на полисемии, вполне может быть передана игрой омонимов или паронимов. Такое «перетекание» форм и типов в переводе оправдано: ведь главное, чтобы переводчик воссоздал функцию словесной игры, а языковые средства, находящиеся в его распоряжении, должны подсказать ему верный путь.

Особую трудность представляет перевод каламбуров с именами собственными и, в частности, значимыми именами, когда одинаково важным оказывается передача и форма стимулятора и результаты, заданной языком оригинала, и значения их внутренней формы. Как мы убедились на примерах, в таких случаях испанские переводчики пока бессильны. К сожалению, не заметно, чтобы в настоящее время делались хотя бы слабые попытки превозмочь это бессилие. В этом нас убеждает перевод А. Видаля, опубликованный в конце 70-х годов. Переводчиками не найдены эквиваленты каламбуров на иноязычной основе; во многом это обусловлено объективными причинами: варваризмы французского происхождения в испанском языке — обычные слова, с общей в обоих языках латинской основой. Но, думается, на этом основании нельзя отказываться от возможности воссоздания подобных каламбуров.

Каламбуры, основанные на омонимии, переводятся иногда более, иногда менее удачно, но многие передаются лишь с помощью путаных комментариев (у Р. Ассенса), либо не передаются вообще (у А. Видаля).

Интересно отметить, что варианты перевода словесной игры А. Надаля чаще всего точнее и ярче воссоздают великолепные авторские каламбуры, хотя его перевод был первым сокращенным и непрямым переводом романа «Братья Карамазовы» (во многом уступающим последующим переводам). Возможно, своим успехом Надаль обязан таланту английских и французских переводчиков, воз-

можно, он сам восприимчив к «каламбурной стихии», но так или иначе, его последователи, безусловно, должны были, используя его опыт, критически оценить его ошибки и находки, потому что в некоторых случаях перевод словесной игры у А. Надаля — действительно находка. И уж, конечно, совсем непростительны потери и огрехи в переводах Р. Ассенса и А. Видаля тех каламбуров, для которых Надалем уже были найдены удачные эквиваленты.

Мастерство художественного перевода, питаюсь традициями и опытом лучших переводчиков, должно повышаться во всех отношениях. Успехи и находки в одном не могут восполнить ошибок и потерь в другом; так, перевод А. Видаля, в целом выполненный на более высоком техническом уровне, чем предыдущие, поражает полнейшим невниманием к такой важной и сложной переводческой проблеме, как воссоздание каламбуров.

Анализируя переводы словесной игры в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и других его произведениях, сделанные тремя испанскими переводчиками, принадлежащими к разным школам и работавшими в разное время, — Альфонсо Надалем, Рафаэлем Кансином Ассенсом и Аугусто Видалем — приходим к выводу, что эта проблема по-прежнему не разрешена, требует нового подхода и более внимательного отношения.

Л. И. Скуратовская, И. С. Матвеева
(Днепропетровск)

„АЛИСА“ В НОВОМ ОБЛИКЕ¹

Между первым (1879) и последним (1977) переводами «Алисы» Кэрролла на русский язык — почти сто лет. Три последних перевода выполнены в пределах одного десятилетия (работы Н. Демуровой², Б. Заходера³, А. Щерба-

¹ Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Зеркалье. (Про то, что увидела там Алиса). Пер. с англ. А. Щербакова. М., Худож. лит., 1977.

² Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса. Пер. с англ. Н. Демуровой. София, Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1967.

³ Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сказка, рассказанная Б. Заходером. М., Детская лит., 1979.

кова). Однако «Алиса» и сегодня, как сто лет назад, бросает вызов переводчикам. Новые их успехи выявляют и новые проблемы. Все более очевидна необходимость воспроизведения художественного единства книги, а значит, обертонов в том, что казалось простым, — в интонации кэрролловского разговора с ребенком, да и не только с ребенком.

Б. Заходер называет свою работу «пересказом с английского», и это — не выданная самому себе лицензия на свое воле, но указание на избранный переводчиком стилистический ориентир — устную речь, рассказывание. Сказка Кэрроллом написанная, становится «сказкой, рассказанной Борисом Заходером».

А сказка А. Щербакова? Является ли она столь же стилистически цельной и какова эта цельность?

Кэрролл отнюдь не стремился имитировать рассказы в прозе, хотя «Алиса» первоначально была именно рассказом, а писатель мастерски умеет воспроизводить устную речь. Его повести об Алисе написаны живым языком, конструкции легки и естественны, но живость эта — не от сказовости.

Поэтому читатель сначала с одобрением воспримет общий книжный колорит перевода А. Щербакова. Переводчик не боится «длинных слов», сложного синтаксиса, оборотов речи отнюдь не сюсюкающего, литературно грамотного человека. Сразу же скажем, что к удачам следует отнести интерпретацию некоторых сказочных имен (Humpty-Dumpty — *Пустик-Дутик*, Tweedledum and Tweedledee — *Двойнюшечка и Двойняшечка*), естественное звучание стихов, порою — хорошо найденную игру слов.

Но сразу же обнаруживаешь, что «книжность» у Щербакова не та, что у Кэрролла. Переводчик прибегает к устойчивым, «стершимся» оборотам, обезличивающим рассказчика. Эти единообразные обороты (большинство их — глагольные словосочетания с существительным) делают язык повествования монотонным. Вот несколько примеров только из первой главы¹: вместо «ей следовало бы удивиться» (I, 36) у Щербакова «это вполне заслуживало удивления» (29), вместо «она посмотрела» (I, 38) — «окинула взглядом...» (30), вместо «падение кончилось» (I, 40) — «паденик

¹ Приводим сначала свой буквальный перевод, указывая соответствующие страницы англоязычного издания (Carroll *Alice in Wonderland*. M., Progress Publishers, 1972—I; Carroll *Looking Through the Looking Glass*. M., Progress Publishers, 1960—II); затем — перевод А. Щербакова (страницы названного издания).

пришел конец» (33), вместо «наверху было совсем темно» (I, 40) — «там царила тьма» (33).

Там, где у Кэрролла просто "Down the Rabbit Hole", Б. Заходер сразу же находит юмористический эффект, реализуя прямые значения компонентов фразеологического сочетания «провалиться сквозь землю» («Глава I, в которой Алиса чуть не провалилась сквозь землю»), и это соответствует и излюбленному приему Кэрролла, и сюжету главы. А. Щербаков как будто ближе к Кэрроллу: «В недрах кроличьей норы». Но вместо нейтрального «вниз по...» появляется отнюдь не безобидное «в недрах» — книжный штамп, делающий название менее динамичным. Такого рода клише превращают свидетеля снов Алисы в литературного педанта: там, где у Кэрролла «читала», у Щербакова «с увлечением читала», где «в суде» — «в зале заседаний суда» (134), вместо «присяжные» — «члены коллегии присяжных заседателей» (135). Последнее в — речи Алисы, что совсем уже психологически невероятно.

Но обратимся к началу.

«Сидеть на траве рядом с сестрой и ровным счетом ничего не делать было крайне утомительно» (29) — такой зачин не адекватен кэрролловскому ("Alice was beginning to get very tired of sitting by her sister on the bank and of having nothing to do", потому что, во-первых, у Кэрролла — сиюминутная картина сознания ("was beginning"); во-вторых, это картина сознания «изнутри», и лексика не выходит за пределы того, что свойственно ребенку. Неподходящи поэтому здесь «крайне утомительно», «с увлечением» Щербакова (как и «праздно» Демуровой, и «маялась» Заходера). В-третьих, в книгах об Алисе главное — Алиса¹, и не вправду переводчик отодвинуть это слово в середину абзаца, меняя кэрролловские акценты.

Ни один из трех переводчиков не решился назвать Алису «сонной и глупой», как делает это у Кэрролла в несобственно-прямой речи как бы она сама ("the hot day made her feel very sleepy and stupid"), — все заменили это описательным оборотом, данным извне, от автора. У Кэрролла говорит автор, но видит себя, «чувствует себя» Алиса — у переводчиков («от жары клонило в сон») и говорит, и видит только автор.

¹ См. об этом: Скуратовская Л. И., Матвеева И. С. Из истории английской детской литературы. Днепропетровск, 1972, с. 47.

В обеих повестях Кэрроллу удается очень тонко изобразить самый момент засыпания. Сознание засыпающего не отмечает грани, на которой мысли переходят в сновидения. Кэрролл стилистически воспроизводит этот феномен, делая предложение "suddenly a white rabbit... ran close by her" продолжением того, где блуждают мысли еще не спящей Алисы. Поэтому не следует выделять его в отдельное предложение (Заходер), тем более в абзац (Демурова). Не этой — лишней — точки только в переводе А. Щербакова. К сожалению, такое внимание к образам, стоящим за словами, в его работе редко.

Вот Алиса услышала, как кролик разговаривает, и не удивилась: "when she thought it over afterward, it occurred to her that she ought to have wondered at this, but at the time it all seemed quite natural" (I, 36). «... Потом, когда у нее было время подумать, оказалось, что это само по себе тоже вполне заслуживало удивления, хотя тогда все выглядело совершенно естественно», — переводит А. Щербаков (29). Даже безотносительно к английскому тексту эта фраза нехороша: смысловая невнятица, порожденная громоздкостью синтаксиса. Но главное — переводчик не понял, что замечание Кэрролла тоже своего рода игра: лишь по прочтении книги становится понятным, почему Алиса не удивилась. Увиденное — сон, фантастическое в нем кажется естественным. Поэтому «потом» — это не «когда у нее было время подумать», а «когда она проснулась». Этот смысл сохранен в переводах Н. Демуровой (с. 31) и Б. Заходера (с. 12).

Речь Алисы у Кэрролла, то культурная и грамматически-правильная, то неправильная и забавная, всегда естественна. Естественна и ее ошибка — "curiouser and curiouser", — ведь она употребила вполне реальную и активную словообразовательную модель. В переводе Щербакова — «Все необычайшей и необычайшей» (39). Такая «ошибка» — искусственное изобретение взрослого, а не естественный промах ребенка, хорошо владеющего языком (сравним с этим удачные находки Н. Демуровой «все странше и странше» и Б. Заходера «все чудесится и чудесится»).

Особую трудность для переводчика составляют именно у Кэрролла именно потому, что это образы. «Выбор имени у Кэрролла — это выбор драматургии»¹. Так, в поисках

¹ Демурова Н. Голос и скрипка. — В сб.: Мастерство перевода. М., Сов. писатель, 1970, с. 166.

нового имени для Mock Turtle Н. Демурова обнаружила, что оно непременно должно быть словом мужского рода, с «морскими ассоциациями» и опираться на какое-либо хорошо известное читателю понятие со значением «подделка»¹. Вот почему не годятся ни Фальшивая Черепаха, ни Черепаха с телячьей головой и т. п. Переводчица находит «Подкотика», Б. Заходер — «Рыбного Деликатеса». Щербаков отступает к старому, неудовлетворительному варианту: «Черепаха-Телячьи-Ножки». Кэрролловская логика создания Mock Turtle не воспроизведена, и для большинства читателей так и остается загадкой, откуда у черепахи эти «ножки». Разговор о Mock Turtle превращается у переводчика в ряд бессмыслиц:

— Ты еще не видела Черепаху-Телячьи-Ножки?

— Нет, — ответила Алиса. — Я даже не знаю, кто это такой.

— Из него делают черепаховый суп, — пояснила Королева.

— Никогда не видела, ничего не слышала, — сказала Алиса (117).

Черепаха с любимыми ножками по-русски женского рода, и говорить о ней «он» — не значит ли создавать незапланированный комический эффект? «Пояснение» Королевы не только ничего не разъясняет, но лишь усугубляет недоумение: если черепаховый суп делают из «Черепахи-Телячьи-Ножки», то какой тогда суп делают из обычной черепахи? Бессмысленна (не говоря уже о том, что неестественна) и последняя реплика Алисы: «не видела» она то ли черепаху, то ли суп, а чего «не слышала» — и совсем неясно.

Но Mock Turtle — особенно трудный случай. Казалось бы, легче передать имена существ, встреченных Алисой в главе «Море слез». Как известно, они имеют прототипов: Dodo — сам Доджсон (Кэрролл), Duck — его друг Дакворт, Logy и Eaglet — Logina и Edith, сестры Алисы Лидделл.

Как сохранить в переводе не только комический характер причудливого сборища, но и эту домашнюю подоплеку, из которой родилась характерность персонажей? Как совместить «зоологическое» и человеческое? Обязательна ли связь с именами «тех самых» людей или для сегодняшнего читателя достаточно очеловечивания вообще?

¹ Там же, с. 169—170.

В переводе Демуровой Алиса попадает в такую компанию: Робин Гусь (Робинсон Дакворт), Попугайчик Лори (Лорина), Орленок Эд (Эдит), Птица Додо (Доджсон-Кэрролл). Имена стали двухчастными, в них совершенно естественно вписались пояснения (действительно, не лишние для большинства читателей-детей) — например, что такое «Додо»: «Птица Додо».

У Щербакова появляются: Утя, «Додо-Каких-Уже-Больше-Нет» (но кто же это все-таки?), Лори-Лорочка Говорунья-Тилли. Все эти имена либо непонятны, либо недостаточно очеловечены (Утя), либо, наконец, недостаточно «зоологичны». Почему Утя (как и Черепаха) — «он»? Почему Тилли, т. е. Матильда? И почему она «говорунья»? А ведь у Кэрролла — смотреть ли на книгу, как на «домашнюю», или нет, — все остается логичным и понятным. В переводе же сказочный план неясен, второй, «интимный» подтекстовый — и вовсе разрушен.

Подтекст вообще страдает здесь больше всего. Замечено, например, что перечень предметов, изучаемых в «морской школе», — это те отношения и состояния, которые человек вынужден познать, вступая во взрослый мир¹ “Reeling and Writhing”, “Ambition, Distraction, Uglification and Derision”, “Mystery, ancient and modern”, “Laughing and Grief” (I, 141). В переводах Н. Демуровой и Б. Заходера этот глубинный план не воспроизводится. У А. Щербакова он в некоторых словах как будто намечен («лавиратура», «солжение», «непочитание»), но чаще как ламбуры тоже совершенно случайны («хроматика», «беление», «кречетский», «болтынь» и др.) Игра не получилась и смешной — пародирующий материал то безличен, никаких струн в читателе не задевает («хроматика», «беление») то лежит вне реальности читателя-ребенка («самскрип» «лавиратура»).

В игре Кэрролла все слова эмоционально напряжены: это слова либо эмоционально-экспрессивно окрашенные, либо называющие эмоции и состояния. Эту напряженность повышает и антитеза (“Laughing and Grief”). Каламбуры А. Щербакова этого эмоционального потенциала лишены. И антитезы нет — не случайно.

Игра слов у него неинтересна и по форме. Звуковая близость слов порою невелика (вычитание — непочитание, история — мистерия). Исчезла и легкость игры: и

¹ Brooks P. Toward Supreme Fiction. — In: Yale French Studies. No. 43. Yale University. n. d., p. 13.

находя хорошего созвучия, переводчик создает тяжело-весный неологизм, в котором и пародируемая основа, и смысл просматриваются с трудом («трясование» вместо «рисование», «ляпка» вместо «лепка»).

«Разнонаправленность» и случайность каламбуров приводит к тому, что совершенно исчезает еще один, человеческий и трогательный план повествования.

Так, “Latin and Greek” — классические языки, но и “Laughing and Grief” тоже классика, классика человеческих отношений. «Смеху и печали» учит “Classical master”, этот «учитель классики» — “Old Crab”, не только «старый краб», но и «старый ворчун». Таким образом, «старый ворчун учил нас смеяться и печалиться», — вспоминают бывшие соученики (“old boys”); пусть одному из них не посчастливилось попасть к нему, но оба знают, чем он был хорош, и потому вспоминают растроганно, вздыхая и пряча лица (именно лица) в лапы. Вот эта кэрролловская ситуация в грубом подстрочнике:

«— ...Я ходил к учителю классики.

Вот уж был старый ворчун, так ворчун.

— Я у него никогда не занимался, — сказал Мок Тартль со вздохом. Он учил смеяться и печалиться, говорят.

— Учил, учил, — сказал Грифон, в свою очередь вздыхая, и оба спрятали лица в лапы» (I, 142).

Конечно, здесь «проявлен» лишь один, не комический, план: пропало сходство слов “Laughing and Grief” с “Latin and Greek”, двузначность слова “Crab”. Зато он напоминает, что у зверей Кэрролла, — перефразируя К. Чуковского, — «все-таки немножечко лица», а не «морды», и проясняет, почему они так лирично настроены (чего, кстати, совсем нет у А. Щербакова: вздыхали, правда, но лиц не прятали — просто «опустили морды на лапы», с. 122).

Справедливости ради заметим, что никто из советских переводчиков не воспроизвел подтекста этого эпизода. Наличие авторской оценки в образе “Old Crab” почувствовал только Б. Заходер, но он придал ей противоположный знак: «... — Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук!» (с. 123). Может быть, не стоило бы так долго говорить об одном эпизоде, но здесь явственно виден метод Кэрролла: говорится нечто эксцентрично-забавное, а в нем — нечто совсем другое и о другом.

Другими словами, перед нами юмористическая повесть, а не просто забавная книжка-игрушка. Здесь уместно на-

помнить, что юмор в строгом смысле понятия — не синоним любому комизму, что это двуплановое смешное соединение комизма с высоким, грустным или иным серьезным «несмешным» началом. При одноплановом переводе разрушаются не частности, а главное своеобразие книги Кэрролла — юмористический ее тон сменяется бессистемным комикованием.

Юмористическая повесть, по самой диалектике юмора естественно включает в себя несмешную ткань. У Кэрролла часты скупая точность описаний, отчетливая деталь, внутренне-логичная последовательность действий: художник видит изображаемое и относится к нему совершенно всерьез. «Она ... заглянула за край гриба.., и ее глаза сейчас же встретились с глазами большой голубой гусеницы...» (I, 80). Закроем «гриб» и «гусеницу», и мы получим как бы фрагмент типичной «серьезной» прозы — романа? повести? Для сказки необычно, чтобы герой вот так «immediately», как уточняет Кэрролл, «встретил взгляд какого-нибудь чудовища — такая манера описания придает происходящему слишком отчетливую реальность. Не таков Кэрролл: сон — не выдумка, а то, что «было» и что человек «видел». У А. Щербакова читаем: «Она приподнялась на цыпочки, и глазам ее явилась толстая сизая гусеница...» (67). Никаких «сейчас же», никаких «встретилась глазами» — даже глаз у гусеницы нет — исчезла удивительная «деталь крупным планом». А ведь в этой детали была еще и свифтовская точность фантастических размеров: если Алиса так мала, то гусеница так велика, чтобы видеть ее глаза. Исчезло и удивительное литературное качество — «несказочный» повествовательный тон сказки. Самое странное, что такие изменения решительно ничем не были вызваны: это полный произвол переводчика.

Такой произвол — на каждом шагу. Меняется синтаксис, словоупотребление, т. е. ритм, эмоциональная окраска и смысл повествования. Вместо классической правильности, «нормы» появляется современный литературный штамп. Кэрролл, например, редко опустит слов «сказал(-а)» и никогда не заменит его наименованием синхронного действия. У Щербакова читаем: «— Существенная подробность, — повернулся Король к присяжным (145) или «— На! Хочешь — понянчи! — И младенец полетел на руки к Алисе» (82). Кто это крикнул? Ах, да, Герцогиня — понимаешь через секунду. Но у Кэрролла не нужно и этой секунды, ремарка не пропущена, все видно

сразу. В этом сказываются преимущества классической нормы: она прозрачна и позволяет «видеть» сквозь себя.

Из-за всех этих изменений исчезает внутренняя логика картины, которую художник, очевидно, представлял себе, а переводчик — нет. Алиса видит Хампти-Дампти, принимает его за чучело и потому возволяет себе персональное замечание вслух. И вдруг раздается его речь! Значит, он живой и говорит, и к тому же обиделся, правда, при его яйцеобразной форме он может выразить это только взглядом... Такова «драматургия» эпизода у Кэрролла, его композиция: замечание Алисы — речь Хампти-Дампти — ремарка автора, что он заговорил и что глядит в сторону. У Щербакова она нарушена: после замечания Алисы следует от автора: «Пустик-Дутик долго молчал, затем...» (II, 232) — читатель предупрежден, эффекта внезапно раздавшейся речи нет. К тому же «Пустик-Дутик» довольно гибко «отвернулся» от Алисы, а не просто отвел взгляд. «Невероятно» (процитируем самого А. Щербакова), если вспомнить, что это существо, у которого, как тут же выясняется, нет ни шеи, ни талии.

Не может быть, чтобы переводчик не знал, что у настоящего художника и композиционная последовательность, и детали, пусть не описанные, а только названные, значимы и не могут быть изменены без последствий. Остается предположить, что переводчик либо не «видит» там, где «видит» автор, либо не считает автора художником, а лишь эксцентриком-развлекателем. В обоих случаях, действительно, слова можно тасовать как угодно.

Пострадала не только классическая прозрачность стиля; исчезли некоторые образы, ставшие хрестоматийной, «цитатной» классикой. Известно, например, что во второй повести Кэрролл пародирует поздний романтизм с его «англосаксонской» стилизацией. Отсюда написание имен Hare и Hatter как Haigha и Hatta, «под старину» (ирония в том, что звучат они так же, но зато как пишутся!), отсюда битвы, баллады, вестники — словом, «англосаксонские позы». «Англосаксонские вестники» исчезли, Haigha и Hatta — это «Вылизаяц» и «Шлепочник», в чем нет ни иронии, ни старины, а знаменитые «англосаксонские позы» — и того хуже — заменены тяжеловесным и сомнительным «чрезвычайные полноскачия» (247, 254). Нет никакой попытки передать блистательное “as large as life and twice as natural” — вместо этого довольно обыкновенное «Редчайший натуральный образец» (254).

Еще хуже, что переводчик «не увидел» и героиню. Алиса существует в книгах как детский характер, как индивидуальность, а не только как предлог для приключений. Между тем, в переводе можно ее и не узнать.

Кэрролл пишет: "... she did not like to drop the jaw for fear of killing somebody underneath" (I,38). У Щербакова: «Бросать ее не стоило — еще убьешь кого-нибудь внизу» (30). Безличность приглушает здесь столь дорогие Кэрроллу нравственно-эмоциональные черты Алисы. Расчетливое «не стоило», грубоватое «еще убьешь» меняют акценты — перед нами как будто взрослый, боящийся скорее всего, неприятностей, а не самого поступка. У Кэрролла она не хотела обидеть грубостью даже неприятного человека и ради этого терпела боль "as well as she could" (I, 133) — у Щербакова всего лишь боится «показаться дурно воспитанной» (114)...

Алиса выписана Кэрроллом так, что ее хочется назвать не столько «положительной героиней», сколько восхитительным ребенком — так все живо и психологически точно, так маскируется юмором авторское восхищение. Но это не значит, что авторскую оценку можно и не заметить.

Между тем переводчик нейтрализует, приглушает ее

У Л. Кэрролла:
...very good-naturedly (I, 66)
...she did not like to be rude,
so she bore it as well as she
could (I, 133)
she pitied him deeply (I, 138)
with bright eager eyes (II, 122)

У А. Щербакова
...естественно... (58)
...боясь показаться дурно во-
спитанной, Алиса решила
терпеть до конца. (114)
...ей стало жаль его (119)
глаза у нее разгорелись (228)

Последняя потеря особенно досадна. Перевод «глаза нее разгорелись» годится лишь для данного эпизода: кэрролловское же "eager eyes" — это образ, который так и осязается с читателем, в нем вся Алиса. Стоило бы рискнуть «блестящие жадные глаза» (как поступила украинская переводчица Г. Бушина¹), жадные к жизни, любопытные, смелые. «Жадные» хорошо передает неожиданность, энергию кэрролловского эпитета.

У Кэрролла Алиса интеллигентна и в речи ее слышатся отнюдь не только лепет и ошибки. "I'm afraid I can't put it more clearly ... for I can't understand it myself to begin with ..." (I, 82), — говорит она гусенице. Опять прибежнет

¹ Кэрролл Л. Алиса в Країні Чудес. Переклад з англійської Г. Бушиної, Київ, 1960, с. 183.

к грубому подстрочнику: «Боюсь, что не смогу объяснить это понятнее, начать с того, что я сама не могу это понять...». Как видим, — связная, культурная, логически-последовательная речь (“to begin with...and ...”), и, главное, речь, обнаруживающая отчетливое, тренированное мышление (всякий ли взрослый понимает, что «сказать яснее» — это прежде всего «подумать яснее?»). Вместо этого у А. Щербакова она бессвязно лепечет: «Боюсь, что яснее мне не сказать... Я не представляю даже, с чего начать ...» (68) — нечто совершенно противоположное и по форме, и по мысли. К тому же «с чего начать» как перевод “to begin with” — это обыкновенная читательская ошибка, а «не представляю» без «себе» — современное просторечие, не соответствующее речевой манере героини. Индивидуальное в Алисе здесь банализировано до некоего «среднего детского» уровня.

Алиса любит рассуждать, это выходит у нее и умно, и забавно; но при этом она все-таки думает, а не просто каламбурит. Поэтому игра со словом “sweet-tempered” (I, 133) в ее речи не реализована — читатель сам додумывает ее. И русская Алиса должна бы сказать, что от сахара дети становятся добрыми или ласковыми (Г. Бушина)¹, но не «сладкими» (113).

Как видим, в работе А. Щербакова и образ рассказчика, и стиль повествования стали иными, и героиней этой новой книги стала тоже несколько иная Алиса. Книга А. Щербакова, конечно, не только имеет право на существование, но и вызовет благодарность многих читателей: с игровой, и с приключенческой стороной кэрролловских повестей она знакомит живо и занятно. Но нужно ли называть ее переводом? Это пересказ — не по стилистической доминанте, как было у Б. Заходера, а по количеству и характеру изменений, по степени удаленности от оригинала.

¹ Аналогичный перевод дает Н. М. Демурова («от сдобы — добреют»): Керролл Л. Приключения Алисы в стране Чудес. Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса или Алиса в Зазеркалье. М., Наука, 1978. — Прим. ред.

IV. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Я. И. Рецка
(Москва)

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Главная функция специального термина — точно, кратко и однозначно определять понятие в данной отрасли науки, техники, искусства. Особенно важны точность и однозначность термина в такой новой отрасли языкознания как лингвистическая теория перевода. Между тем, один из распространенных в новейшей литературе по теории перевода термин — переводческие трансформации — применяется в диаметрально противоположном смысле разными авторами.

Развернутое определение термина мы находим в книге Л. С. Бархударова «Язык и перевод». «Достижение переводческой эквивалентности («адекватности перевода»), вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно различные межъязыковые преобразования — так называемые переводческие трансформации — с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ»¹.

Оставляя в данной статье в стороне категории грамматических трансформаций, с рассмотрения которых начинается Л. С. Бархударов, обратимся к § 53, посвященной лексическим трансформациям.

В пятой главе, озаглавленной «Переводческие трансформации», Л. С. Бархударов рассматривает следующие категории «лексических замен»: конкретизацию, генер-

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., Международные отношения, 1975, с. 190

лизацию, замену следствия причиной и причины следствием, антонимический перевод, компенсацию, добавления и опущения слов. Эти приемы лексических трансформаций он характеризует как замену «отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) ИЯ лексическими единицами ПЯ, которые не являются их словарными эквивалентами (выделено автором — Я. Р.), то есть, взятые изолированно, имеют иное референциальное значение, нежели передаваемые ими в переводе единицы ИЯ»¹.

Иное понимание лексических трансформаций мы находим в книге Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман. Это понимание обосновывается авторами в «Предисловии»: «Перевод рассматривается авторами как некая трансформация, при которой сохраняется неизменным семантический инвариант, то есть содержание оригинала, а форма его выражения — поверхностная структура — может подвергаться изменениям»².

В главе второй «Лексические трансформации при переводе» авторы приводят между прочим и такие примеры трансформаций: *drawing-room* — *гостиная*, *instant coffee* — *растворимый кофе*, *school leavers* — *выпускники*, *hot milk with skin on it* — *горячее молоко с пенкой*, сюда же относится и *teenager* с двумя русскими соответствиями: *подросток*, *юноша*, а во множественном числе и с третьим: *молодежь*³.

Совершенно очевидно, что приведенные выше примеры как раз являются словарными эквивалентами (—Я. Р.), которые Л. С. Бархударов считает равнозначными соответствиями, не требующими никаких трансформаций при переводе.

Между тем, именно игнорирование эквивалентных соответствий авторами «Проблем перевода» лежит в основе ошибочного толкования переводческих трансформаций. В своем «Предисловии», на с. 4, ссылаясь на мнение американского лингвиста Юджина Найды об отсутствии «абсолютных эквивалентов» в переводе, авторы вообще обходят вопрос об эквивалентности в «Проблемах перевода». Между прочим, в многочисленных примерах из редакторской практики того же Ю. Найды, который редактирует переводы Библии на многие экзотические языки, можно

¹ Бахударов Л. С. Указ. соч., с. 210.

² Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. М., Междунар. отношения, 1976, с. 4.

³ Там же, с. 30, 31.

найти десятки примеров эквивалентного перевода.¹ К том же Ю. Найда возражает лишь против «абсолютной» эквивалентности, стирающей национальное своеобразие лексических единиц в переводе.

Теория перевода ничего не стоит без проверки практикой. Достаточно проанализировать любую страницу двуязычного словаря, чтобы убедиться в наличии в ней в среднем не менее одной трети эквивалентных соответствий. Возьмем для примера начало буквы Р, составленно А. М. Фитерман в «Большом англо-русском словаре». И 26 вокабул в первой колонке на с. 157 мы находим ровно 12 эквивалентов (или моноэквивалентов, как более точно называет единственные равнозначные соответствия А. В. Кунин): *расе-такер лидер* (в забегах), *расе-таке мед. синусовый узел сердца*, *расег иноходец*, *раша, раш паша*, *рашико амер. жарг. стилига*, *рашудерм толстокожее* (животное), *рашудерматос толстокожий*, *расифибли книжн. поддающийся уговорам*, *расифicate книжн. умиротворять*, *расифicator миротворец*, *расифism пацифизм*, *расифист пацифист*.

Если принять на веру изложенную в «Проблемах перевода» теорию лексических трансформаций, то почти все из перечисленных примеров попадают в эту категорию; ведь всюду внутренняя форма русского соответствия расходится с внутренней формой английского. За исключением «паши» и «пацифиста». Но даже если считать, что слово *рашудерм* было «трансформировано» с греческого, а спортивный термин *расе-такер* с английского, то эти трансформации создались и закреплены как межъязыковые, притом постоянные соответствия, тогда как в процессе перевода мы имеем дело не с языком, а с речью. Ведь и авторы «Проблем перевода» признают перевод «передачей речевого произведения» вслед за Л. С. Бархударовым.

Особенно наглядно превратное понимание переводческих трансформаций авторами «Проблем перевода» обнаруживается в четвертой главе: «Трансформации, вызываемые некоторыми особенностями словообразования в английском языке». В многочисленных примерах этой главы смешаны все категории переводческих соответствий и подлинные трансформации, и явные эквиваленты. Например, *exhibitor at Expo 70 участник международной вы*

¹ См. N i d a E. & Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969.

ставки «Экспо-70», Austin men рабочие завода «Остин», draft evaders уклоняющиеся от военной службы¹.

Как еще можно было бы перевести приведенные примеры? Что общего имеют они с творческими приемами переводческой трансформации? Между тем, в этой же главе, содержащей около пятидесяти примеров, лишь десятая часть может быть отнесена к подлинным лексическим трансформациям: преобразованиям с полной или частичной заменой внутренней формы, с заменой образа образом. Таковы, между прочим, up-since-dawners *поднявшийся ни свет ни заря*, the smiler with the knife *убийца с улыбкой на устах*, a drivable distance *куда вполне можно доехать в карете*. Но даже в удачном примере авторы видят трансформацию не там, где она действительно есть.

“The tax drivers themselves respond to the non-tipper with a selection of crisp, four-letter, Anglo-Saxon words.” (“The London News”, с. 72).

«Но сами таксисты награждают пассажира, не дающего на чай, отборной, хлесткой руганью». (с. 72)

В переводе выделено элементарное грамматическое замещение, а подлинная трансформация — замена four letter Anglo-Saxon words — *отборной, хлесткой руганью* — авторами не выделена.

Нужно отдать справедливость авторам «Проблем перевода»: в предшествующей, третьей главе «Стилистические трансформации при переводе» трансформации трактуются как творческие приемы перевода и приводимые многочисленные примеры наглядно и убедительно показывают механику замены стилистических средств и стилистических приемов в процессе перевода.

Лингвистически образованный переводчик может не только питать чисто платонический интерес к этимологии, но подчас извлекать из нее и практическую помощь. Чаще всего в тех случаях, когда он сталкивается в подлиннике со словами, отсутствующими в самом полном двуязычном словаре, или с неологизмами моделированного типа. Но когда речь идет, как в книге Т. Левицкой и А. Фитерман, о сравнительной этимологии (английского слова и его русского эквивалента), то процесс, именуемый авторами переводческой трансформацией, можно признать действительным только для очень ограниченного количества русских слов,

¹ Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Указ. соч., с. 68—83.

а именно, для слов, вошедших в русский язык путем преобразования внутренней формы иноязычного слова. Конечно, ни *гостиная*, ни *пенка*, ни *выпускник*, ни *растворимый кофе* ничего общего с трансформацией даже в этимологическом смысле не имеют.

Без признания эквивалентных соответствий, постоянных, равнозначных и, как правило, не зависящих от контекста, был бы невозможен устный перевод, а тем более — перевод машинный. Происхождение же эквивалентов для теории перевода не имеет никакого значения. Это относится к области сопоставительной лексикологии. Но вероятно из-за наличия большого количества слов, этимология которых спорна или вообще не выяснена, подавляющее большинство даже крупнейших словарей, одноязычных толковых и переводных, не дает этимологии.

Иное дело разграничение категорий эквивалентов переводческой точки зрения. Очевидно, от их принадлежности к разным категориям зависит их степень семантической и стилистической «абсолютности». Из приведенных выше примеров наибольшей степенью пресловутой абсолютности (включая и национальное своеобразие, одинаково сохраняющееся в сопоставляемых единицах) будут расег *иноходец*, *rasha paisha*, *pacifism* *пацифизм* и *pacifist* *пацифист*.

Насколько безразличен, а часто и произволен выбор языкового знака для обозначения «определенного понятия» в языке, можно видеть из сопоставления следующих, на пример, словарных эквивалентов, созданных в русском языке путем использования английских, французских, немецких и японских слов: *dinner jacket* *смокинг*, *mastiff* *дог* (английский), *bill of fare* *меню*, *opera-hat* *шапокляк*, *theme song* *лейтмотив*, *Romanian* *шпиц*, *rug* *монс*, *happy dispatch* *харакири*. Вряд ли кто-либо может усомниться в том, что все приведенные выше соответствия являются эквивалентными и что они созданы в русском языке на иноязычной основе. Но к переводческим трансформациям, в соответствии с определением, данным Л. С. Бархударовым, как к творческому приему перевода, они не имеют никакого отношения.

Лексические трансформации служат высшей ступенью в теории закономерных соответствий, где между эквивалентами и трансформациями есть и промежуточная ступень — варианты соответствия или «выборочные эквиваленты» (термин А. В. Кунина). Это несколько русский

синонимов, соответствующих одному и тому же значению английского или другого иноязычного слова, конечно, с обратным соотношением в иных случаях при переводе на иностранные языки. Впервые теория закономерных соответствий была изложена мною в статье «О градации трудностей в курсе перевода на родной язык» в 1948 году¹, а в более развернутом виде — в статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык»². Подробной и, в деталях, справедливой критике подверглась теория закономерных соответствий в книге А. Д. Швейцера «Перевод и лингвистика»³, где рассматривается и дальнейшее развитие этой теории в «Курсе лекций по теории перевода» Л. С. Бархударова и Я. И. Рецкера (1968 г.), в котором явления, обозначаемые теперь термином «лексические трансформации», назывались «адекватными заменами». Вполне обоснованно указание А. Д. Швейцера на необходимость разграничивать эквиваленты односторонние и двусторонние. Но основное возражение критика против отсутствия единого критерия в теории закономерных соответствий мне кажется необоснованным. Рассматривая три категории соответствий: эквиваленты, варианты соответствия и адекватные замены, А. Д. Швейцер пишет, что если первые две — «это, действительно, виды соответствий, то «адекватные замены» относятся уже не к определенным соответствиям между явлениями разных языков, а к технике перевода»⁴.

Все три категории соответствий несомненно осуществляются в процессе перевода, но не как сопоставление единиц языка, а сопоставление отрезков речи. Ведь переводчик не оперирует отдельными словами, поэтому и кажущиеся незыблемыми словарные эквиваленты нередко оказываются непригодными в передаче речевого потока. Это предусмотрено в самом определении эквивалентов.

Эквивалентные соответствия представляют собой далеко не однородную массу. Различаются полные и частичные эквиваленты в семантическом отношении и абсолютные и относительные в экспрессивно-стилистическом. Поэтому

¹ Ученые записки Военного института иностранных языков, 1948, № 6, с. 33—51.

² Вопросы теории и методики учебного перевода. М., Изд. Академии пед. наук РСФСР, 1950.

³ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973.

⁴ Там же, с. 21.

и выбор частичного и относительного эквивалента несомненно относится к технике перевода, так как всецело зависит от знаний и умений переводчика. В этом нетрудно убедиться, обратившись к примерам, приведенным в моем «Курсе перевода с английского.»¹ Но, чтобы не затруднять читателя поисками упомянутого учебника, приведем несколько новых примеров.

В 51-й главе «Ярмарки тщеславия» Теккерея описывается бал с шарадами у лорда Стайна.

“The delighted prince... twirled round the ball-room with her, scattering the diamonds out of his boottassels and hussar jacket until his Highness was fairly out of breath.” (W. M. Thackeray. Vanity Fair)

Несомненно, *hussar jacket*, как термин, должен иметь эквивалент в русском языке. К сожалению, ни один англо-русский словарь этого термина не дает. БАРС дает: *jacket*, как часть военной формы, — френч, китель. Но обратимся к переводам «Ярмарки тщеславия». В переводе М. А. Дьяконова, (М.—Л., Academia, 1934) читаем:

«Восхищенный князь ... покружился с Бекки вокруг бального зала, теряя бриллианты с кисточек своих сапог и гусарской куртки, пока, наконец, его высокочество не запыхался совсем.»

Любопытно, что и в предыдущем переводе В. И. Штейна, изданном «Красной газетой» в 1929 году, тоже фигурирует *гусарская куртка*. Только в отредактированном Р. М. Гальпериной и М. Ф. Лорие переводе М. Дьяконова (Теккерей У. Мейпис. Собр. соч. Т. 4, Худож. лит., 1976) мы узнаем, что князь «кружился с Бекки по зале, теряя брильянты с кисточек своих сапог и *гусарского ментика*».

Было бы наивно думать, что в данной обстановке *hussar jacket* имеет точное соответствие: *доломан*. Никаких брильянтов на гусарском доломане быть не могло, и, конечно, доломан не мог быть распахнутым. Иное дело *ментик* — накидка, обычно отороченная мехом и развевающаяся у танцующего гусара. Впрочем, и первому переводчику этого романа, талантливому, но разнузданному Иринуарху Введенскому, было ясно, откуда сыпались бриллианты:

¹ Рецкер Я. И. Курс перевода с английского языка на русский. (1 часть). М., Изд. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973, с. 22.

«Великий гранд Испании и Португалии (в подлиннике просто prince — Я. Р.) ... решил также ангажировать на вальс эту очаровательную персону и принялся вертеться с нею вокруг залы, рассыпая по паркету бриллианты из кисточек своих ботфортов и гусарского ментика.» (В. Теккерей. Базар житейской суеты, т. 2, Спб., 1885).

В переводе «Подвигов бригадира Жерара» А. Конан-Дойля слово *pelisse* тоже фигурирует как *ментик*. Между тем, французско-русский словарь дает: *pelisse* — *гусарская венгерка, отороченная каракулем*, т. е. доломан.

“For my part, I followed the Emperor with my *pelisse* bursting with pride. My word, I have always carried myself as a hussar should, but Lassale himself never strutted and swung his *dolman* as I did that night.” (A. Conan Doyle. The Exploits of Brigadier Gerard, p. 74.)

Из приведенных примеров видно, что и отыскание эквивалента, когда он является частичным, тоже относится к технике перевода и иной раз требует от переводчика не меньше знаний, опыта и догадки, чем многие случаи трансформаций. Кроме того, использование даже найденного эквивалента, отсутствующего в параллельных словарях, всегда зависит от контекста, как в приведенном выше примере из Конан Дойля:

«Я же пошел вслед за императором, и даже ментик¹ мой раздувался от гордости. Честное слово, я всегда держался, как подобает гусару, но даже сам Лассаль (полковой командир) никогда не выпячивал грудь под доломаном так кичливо, как я в ту ночь.» (Пер. В. Треневой и В. Хинкиса. А. Конан Дойль. Собр. соч. Т. 7. М., Правда, 1966)

Вполне возможно, что автор имел в виду не ментик, а венгерку, т. е. доломан, но переводчики не пожелали употреблять одно и то же слово дважды подряд. Ведь отказ от использования эквивалента тоже входит в арсенал техники перевода.

Совсем иной повод к отказу от эквивалента мы находим в первой фразе, которой открывается роман Айрис Мэрдок

¹ Слово *ментик* в новых русско-английском, русско-французском и русско-итальянском словарях отсутствует.

«Дикая роза». Священник читает заупокойную молитву над открытой могилой:

“I am the resurrection and the life, saith the Lord: he that believeth in me, though he were dead, yet shall he live.” (I. Murdoch. *An unofficial rose*, p. 3)

«Я есмь воскресение и жизнь, — сказал Иисус; — верующий в меня, если и умрет, оживет.» (Пер. М. Лорие. М. Прогресс, 1971)

Приведенная выше фраза — цитата из Евангелия о Иоанна (XI: 25). В переводе произведена замена (вместо «сказал господь» — «сказал Иисус»), ибо именно так и принято в русском переводе Евангелия. И пожалуй, русский термин точнее, ведь the Lord часто относится и к богу отцу и употребляется в этом значении в той же главе Евангелия о воскрешении Лазаря. Этот пример показывает одновременно и необходимость осторожного подхода к использованию кажущегося эквивалента, и связь между эквивалентными соответствиями и вариантными. Далеко не всегда между ними можно провести четкую грань. Особенно в тех нередких случаях, когда удачно найденные соответствия английских слов, не имеющих постоянного соответствия в русском языке, из вариантных соответствий превращаются в эквиваленты.

Пожалуй, из множества возможных примеров достаточно остановиться на одном, показательном во многих отношениях. Слово complacency в БАРС'е переводится 1. самодовольство; 2. удовлетворенность, довольство. Ошибочность этих дефиниций очевидна из следующих двух характерных примеров:

Gogol's *Manilov* is the very image of complacency;
(Chambers's Encyclopedia)

Гоголевский Манилов — олицетворение благодушия

Complacency must have no place in our atomic age!
(Daily World)

В наш атомный век не должно быть места самодовольства.

Первое раскрытие подлинного значения слова (благодушие) уже имелось в словаре В. К. Мюллера (1969 г.): 1. благодушие, удовлетворенность, 2. самодовольство.

Но никакой словарь не способен дать все возможные контекстуальные значения слова в бесчисленных комби-

нациях, особенно в текстах из художественной литературы. Вот примеры из романа «Дикая роза»:

“All the same,” he said, “I’m going quietly crazy.”
“I’m not!” said Lindsay, with an affected little pout of complacency.” (I. Murdoch. An unofficial rose, ch. 13)

— И однако же я медленно, но верно схожу с ума.

— А я нет! — Линдзи с *притворным высокомерием* надула губки. (с. 99).

Почему *complacency* здесь *высокомерие*? Не произвол ли это переводчицы? Нет, ситуация, назревающий кризис во взаимоотношениях будущих любовников и характер самой Линдзи вполне оправдывают *притворное высокомерие*. Это закономерная контекстуальная замена в переводе, но, чтобы убедиться в ее закономерности, нужно, по крайней мере, прочитать всю 13-ю главу и найти там:

The lips and cheeks were moulded with a spiritual complacency which made him faint with delight.

В лепке губ и щеки была утонченная безмятежность, восторгавшая его до полной потери сил. (с. 96)

И здесь слово *безмятежность* поразительно точно передает показное спокойствие женщины и является подлинной находкой в переводе.

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что найти вариантное соответствие слову в переводе иной раз бывает не менее трудно, чем произвести трансформацию. Следовательно, и варианты соответствия составляют неотъемлемую часть приемов и техники перевода. Как и эквиваленты, они вместе с трансформациями образуют единую теорию закономерных соответствий.

В указанной выше работе Л. С. Бархударова не упоминается, пожалуй, наиболее сложный и требующий наибольшего творческого напряжения от переводчика прием трансформации: целостное преобразование. Его сущность давно была раскрыта в статье Л. Н. Соболева: «Перевод образа образом»¹, хотя он и не пользовался этим термином. По существу, целостное преобразование — это крайняя точка в процессе логического (смыслового) развития понятия или образа, это высшая ступень категорий лексических трансформаций. Здесь наблюдается полный отрыв

¹ Вопросы художественного перевода. М., Сов. писатель, 1955, с. 259—309.

от формы подлинника для передачи единства содержания и формы в соответствии с нормами русского языка.

...as sure as God made little green apples. (R. P. Warren. All the King's Men)

...ясно, как божий день. (Роберт Пен Уорен. Все королевская мать)

It won't be skin off my nose. (Ibid.)
Плевать мне с высокой горы. (Там же)

Pillsbury kept the pot boiling. (Ibid.)
Пилсбери трудился в поте лица. (Там же)

Здесь нет возможности рассматривать функционально-стилистическую и экспрессивно-эмоциональную зависимость приемов переводческой трансформации. Поэтому остановимся лишь на переводе стилистически нейтрального, но богатого экспрессивно-эмоциональными оттенками эллиптического восклицания *well, I never*. Стилистически нейтрально оно потому, что часто встречается в устах представителей любой социальной группы. Например, у светской особы, пораженной тем, что в настроиваемой ею гавайской гитаре оказалась посторонняя струна:

"Well, I never. Oh! I see — but how extraordinary
It's the wrong string — a size too big." (A. Christie. The Mysterious Mr. Quin)

Здесь это восклицание выражает только крайнюю степень удивления. Гораздо сложнее его функция в конце первой главы «Ярмарки тщеславия», где простоватая, но добросердечная мисс Джемайма, пытаясь загладить обиду которую нанесла Бекки Шарп ее сестра, директриса пансиона для благородных девиц, протягивает ей в карете знаменитый словарь доктора Джонсона, подаренный каждой из выпускниц, кроме Бекки. «Но что это? Едва лошади тронули с места, как мисс Шарп высунула из кареты свое бледное лицо и швырнула книгу в ворота.»

This almost caused Jemima to faint with terror. "Well, I never," said she. "What an audacious" — Emotion prevented her from completing either sentence. (W. M. Thackeray. Vanity Fair)

До чего же не повезло этому злополучному восклицанию! На протяжении более ста лет переводчики не понимали

его функции, а неизменно переводили буквально. Начиная с талантливейшего Иринарха Введенского:

— Ах, как!... Ну, я никогда... сказала она, какая смелая! ... (В. Теккерей. Базар житейской суеты. Спб., 1885)

«Ну, я никогда» — никак не может, в отличие от английского эллипсиса, служить началом развернутого предложения: «Я никогда ничего подобного не видела в своей жизни». Функция этого эллиптического восклицания в данном случае двойная: это смесь крайнего удивления с негодованием, возмущением.

И все же последующие переводы даже ухудшили вариант Введенского; в них вместо восклицания: «ах, как!» мы видим вполне рассудочное «ну»:

— Ну, никогда бы я... — только и смогла она выговорить. Что за смелое... (В. Теккерей. Собр. соч. т. 9, Спб. 1894—95 Пер. Вл. Ив. Штейна)

— Что такое, я никогда бы... — воскликнула она. — Какая дерзкая... (Пер. М. А. Дьяконова М.—Л., Academia, 1933)

И только в переводе М. Дьяконова, заново отредактированном Р. М. Гальпериной и М. Ф. Лорие, злополучная эллиптическая фраза расшифрована в соответствии с ее истинной функцией — выражением изумления и негодования:

— Да что же это! ... — воскликнула она. — Какая дерзкая. (У. М. Теккерей. Собр. соч., т. 4, М., Худож. лит., 1976)

Еще сильней, в иной ситуации, выражено негодование в переводе этой фразы в романе Драйзера «Титан»:

“To think I should be so insulted,” Mrs. Carter mumbled on... “This is too dreadful. Well, I never.” (Th. Dreiser. The Titan, ch. LI).

— Подумать только, какое оскорбление! — бормотала миссис Картер... — Ужасно! Неслыханно! (А. В. Кунин. Англо-русский фразеологич. словарь. 3-е изд., кн. 1, с. 648).

Было бы ошибочно полагать, что лексические трансформации применяются лишь как приемы преобразования образных или образно-мотивированных единиц перевода. Трансформации, чаще всего лексико-грамматические, за-

кономерны и даже неизбежны при переводе некоторых категорий слов, словосочетаний, фразеологических единиц смысловых и законченных предложений. Как правило, эти единицы перевода, требующие функционального раскрытия

Характерны в этом отношении междометия. В БАРС¹ указаны пять значений междометия why: удивление, нетерпение, колебание, догадка и возражение. Каждая из функций иллюстрируется примером, но варианты трансформационных переводов, зависящих от контекста и ситуации, никакой словарь предусмотреть не в состоянии. Словарь В. К. Мюллера дает еще одно значение: заключение, что подтверждается и английскими толковыми словарями.

В моей «Теории и практике перевода» приведен пример указывающий на седьмое значение why — ‘досада’, ‘сажаление’:

Why, my father was a common carpenter, and here you are both of you at public schools costing me ever so many hundreds a year. (S. Butler. The Way of All Flesh)

Да что тут говорить: отец мой был простым плотником, а вы оба учитесь в государственных (правильнее: привилегированных — Я. Р.) школах и стоите мне столько-то сот фунтов в год. (С. Бетлер. Жизненный путь¹)

Целостное преобразование восклицания why здесь исключительно удачно передано четырьмя словами «да что тут говорить». Можно рассматривать этот перевод и как вводно-модальное предложение, и, стало быть, здесь налицо лексико-грамматическая трансформация.

Иногда говорят, что всякий перевод является трансформацией. Но это — чистейшая тавтология. Преобразование единиц одного языка в единицы другого — аксиома не требующая доказательств. Попытка формализации процесса перевода и зашифровки его в сложные математические формулы ничего не дает переводчику-практику и часто сводится к словесной эквилибристике. Перевод по правильному утверждению Ю. Найды и Ч. Табера всегда будет не только наукой, но и искусством. И потому проблемой не только лингвистической, но и филологической в широком смысле этого слова.

¹ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., Междунар. отношения, 1974, с. 176.

АТРИБУЦИЯ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Надежная атрибуция того или иного текста является одним из инструментов, способствующих выявлению различного рода артефактов, циркулирующих в социуме (подделки, мистификации). Важность атрибуции текста несомненна для текстологии, лингвистики и литературоведения, так как от анализа совокупности текстов, имеющих хождение в сфере этих научных дисциплин, от надежности этих текстов, зависят и теоретические выводы, и прагматические рекомендации. Еще большее значение установление авторства текста имеет для культурологии, так как вхождение или невхождение тех или иных текстов в общий или частный культурный фонд может вносить существенные коррективы в процесс и результаты развития социума. Этот культурно-исторический фонд может включать в себя как оригинальные автохтонные тексты, так и тексты, принадлежащие другой лингвокультурной общности. И для тех, и для других текстов проблема достоверности (надежности) является главной проблемой, причем переводные тексты должны, по-видимому, отвечать прежде всего требованию семантического разнообразия (нетривиальности решения переводческих проблем). С этой точки зрения атрибуция текста важна также и как инструмент выявления принадлежности или непринадлежности переводного текста некоему среднепрозаическому койне.

В настоящее время для установления авторства тех или иных текстов (в рамках литературоведения и криминалистики) используются, в основном, методы анализа формальных характеристик письменной речи, т. е. частоты встречаемости тех или иных единиц речи в исследуемом тексте: предполагается, что соотношенность этих единиц составляет инвариант индивидуального стиля автора. Лингвистическая природа, количество и уровень организации формальных характеристик может быть самым различным: например, характеристики лексического богатства текстов, выражающиеся через показатели отношений некоторых единиц ко всем другим единицам текста (индекс У. Джон-

сона¹, показатель Д. Кэррола² и др.); относительное число употребления различных частей речи в тексте определенной длины; средняя длина предложений и т. д. и т. п. Количество характеристик, используемое при установлении авторства текстов, весьма значительно. В первых работах Дж. Г. Массермана и Э. Р. Балькен³ было использовано до восьмидесяти формальных характеристик при атрибуции текстов, проводимой в Харьковском НИИ судебной экспертизы, используют до шестидесяти трех характеристик: от сравнительно простых, например, таких как относительное число знаменательных слов в тексте до сравнительно сложных, таких как частотность определенных грамматических конструкций⁴.

Теоретическим основанием для использования формальных характеристик при установлении авторства текстов является стохастическая модель порождения и восприятия речевого высказывания: с возрастанием объема исследуемого текста частота того или иного речевого элемента или грамматической конструкции стабилизируется, что в принципе дает возможность выявить частотные индексы, характеризующие организацию речевых элементов у некоторого индивида. Иными словами, принцип индивидуализации речевого опыта позволяет предположить, что формальные частотные показатели будут сугубо индивидуальны и могут служить идентификационными признаками. Но данный принцип справедлив лишь при наличии достаточного по объему текста предполагаемого автора. Вопрос же «достаточности» объема речевого массива для надежного вывода об авторстве остается открытым. Этот вопрос осложняется также тем обстоятельством, что исследователи используют в автороведческих исследованиях различные по их лингвистическому статусу и принадлеж

¹ Johnson W. Language and Speech Hygiene — an Application of General Semantics. — In: General Semantics Monographs 1939, No. 1.

² Carroll J. Diversity of Vocabulary and the Harmonic Series Law of Word Frequency Distribution. — In: Psychological Records 1938, No. 2.

³ Masserman, J. H., Balken E. R. The Clinical Application of Phantasy Studies. — In: The Journal of Psychology 1938; No. 6; Masserman J. H., Balken E. R. Psychiatric and Psychoanalytic Significance of Phantasy. — In: Psychoanalytical Review, 1939, v. 26.

⁴ Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. АКД. Харьков 1975.

ности к тому или иному уровню языка формальные характеристики. Вопрос о минимальном объеме текста, достаточном для атрибуции, впервые поставленный еще в начале текущего столетия отечественными исследователями¹, продолжает оставаться далеко не решенным и в настоящее время. Так, например, исследованием А. А. Маркова было установлено, что выводы Н. А. Морозова не могут считаться окончательными именно в силу небольшого объема атрибулируемого текста: вариативность характеристик при таком объеме столь значительна, что надежный вывод об авторстве текста сделать невозможно. А. А. Марковым было установлено, что минимальный объем исследуемого текста должен быть порядка нескольких тысяч слов. Характерно, что в исследованиях с использованием современного математического аппарата ученые пришли к выводу, что минимальный объем текста при установлении авторства должен быть не менее 5000 словоупотреблений². Было также установлено, что при анализе текстов, меньших по объему (порядка нескольких сотен словоупотреблений), формальные характеристики непригодны³. Точнее говоря, они непригодны при использовании непосредственно, однако, опосредованное их использование в работах по атрибуции анонимных и псевдонимных текстов, по-видимому, возможно. Эта возможность основана на принципах психологического и психолингвистического характера, наличествующих при соответствующем рассмотрении процессов порождения и восприятия речи.

При условии нормального развития речевого навыка индивид, как правило, адекватно воспринимает речевую информацию даже в случае ее частичного искажения или неполного представления. Например, в условиях плохой слышимости часть сообщения может быть не воспринята, однако смысл его все же осознается. См., например, результаты широко известных экспериментов К. Шеннона по информационным измерениям языка, где использована идея возможности предсказания элементов текста на ос-

¹ Морозов Н. А. Лингвистические спектры. ИОРЯС, т. XX, кн. 4, 1915.

² Ворончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов. — В кн.: Семиотика и искусствометрия, М., Мир, 1972.

³ Батов В. И., Сорокин Ю. А. Атрибуция текста на основе объективных характеристик. — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 34, 1975. № 1.

нове избыточного текста¹. Эти и другие наблюдения дают основания полагать, что известное в психологии явление «константности» восприятия, исследованное, главным образом, в сфере визуального восприятия, имеет место и в сфере речевой деятельности. На это, в частности, указывают результаты частотных измерений в исследованиях Р. М. Фрумкиной². Выводы, следующие из гипотезы о константности восприятия в сфере речевой деятельности, весьма перспективны для разработки методологии и техники установления авторства текстов, ибо эта гипотеза дает возможность выявить принцип атрибуции текстов на основе не самих формальных характеристик письменной речи, а на основе их субъективных «константных» образов. Психолингвистические и математико-статистические процедуры к настоящему времени достаточно хорошо разработаны для того, чтобы осуществить эту попытку. Получены определенные результаты в исследованиях по атрибуции текстов³.

Метод атрибуции текстов, предлагаемый авторами данной статьи, является традиционным в стилистическом анализе текстов. В основе его лежит известный метод «семантического дифференциала» (СД), предложенный группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом⁴. Принципиально новым является тот факт, что обработка оценок, полученных в ходе эксперимента, ведется в направлении выделения коннотативных значений формальных характеристик текста с помощью математического анализа оценок по шкалам СД для данного текста и значений самих формальных характеристик текста.

Испытуемым (информантам) предлагалось оценить по традиционной методике СД ряд анонимных текстов. Процедура опроса предполагала оценку 23-х текстов по 20-ти шкалам СД. Для тех же текстов были вычислены показатели ряда формальных характеристик, а именно: 1) сред-

¹ Шеннон К. Предсказание и энтропия печатного английского текста. — В кн.: Работы по теории информации и кибернетике, М., 1963.

² Фрумкина Р. М. Проблемы восприятия слов в зависимости от их вероятностей. — В кн.: Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов, М., Наука, 1967.

³ Эрролл Д. Б. Факторный анализ стилевых характеристик прозы. — В кн.: Семиотика и искусствоведение.

⁴ Osgood Ch. The Nature and Measurement of Meaning. — In: Psychologic Bulletin, 1952, v. 49, No. 3.

няя длина предложений в словоупотреблениях, 2) отношение числа глаголов к общему числу словоупотреблений, 3) отношение числа личных местоимений к общему числу словоупотреблений, 4) отношение числа притяжательных местоимений к общему числу словоупотреблений, 5) отношение числа всех местоимений к общему числу словоупотреблений, 6) отношение числа предлогов к общему числу словоупотреблений, 7) отношение числа прилагательных к общему числу словоупотреблений, 8) среднеквадратичное отклонение длины предложений. Экспериментальный массив оценок был равен: $28 \times 23 \times 20$ (общее число шкал СД и показателей формальных характеристик, число экспериментальных текстов, среднее число оценок каждого текста по каждой шкале СД). Вычисление средних (шкалы СД из порядковых были переведены в интервальные) по шкалам позволило представить экспериментальный материал в виде матрицы: 28×23 , являющейся исходной для дальнейшего факторного анализа. Факторный анализ (центроидный метод) был осуществлен на ЭВМ Наири-2 НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. На этом этапе принципы обработки данных в нашем случае не совпадают с традиционной обработкой данных СД. Нами ставилась задача измерения коннотативных значений формальных характеристик текста, тогда как задача традиционного подхода СД состоит в получении наглядной и легко интерпретируемой структуры семантических составляющих (факторов). Стремление к получению наглядной структуры факторов в данном случае не имеет смысла, т. к. вращение факторов в направлении формальных характеристик обеспечивает однозначную интерпретацию факторов как субъективных образов (импликатов) данных формальных характеристик. Указанное вращение было осуществлено геометрически, в результате чего было выделено в соответствии с исходными формальными характеристиками восемь импликатов.

Проведенный сравнительный анализ эффективности атрибуции на основе формальных характеристик и их импликатов показал бóльшую эффективность импликатов при установлении авторства текстов. Этот результат, по-видимому, обусловлен меньшей вариативностью импликатов в текстах сравнительно небольшого объема (около 300 словоупотреблений) по сравнению с вариативностью формальных характеристик. К настоящему времени накоплен определенный опыт использования импликативного ме-

тогда: подтверждена атрибуция спорного текста («Письма к графу Д. А. Толстому»), долгое время приписывавшегося М. Е. Салтыкову-Щедрину¹; Всесоюзным институтом Прокуратуры СССР и Институтом языкознания АН СССР совместно проведена автороведческая экспертиза с использованием имплицативного метода.

Опыт применения имплицативного метода в практике атрибуций текстов привел к необходимости полной алгоритмизации этого метода. Проведение криминалистической экспертизы представляет собой процессуально регламентированное действие, а так как экспертная практика до настоящего времени не имела в своем арсенале методов подобных описываемому, то и процессуальный статус «информантов» (т. е. лиц, оценивающих исследуемые тексты) не определен. Это обстоятельство не исключает возможность использования этих лиц, но вызывает определенные затруднения. Применение имплицативного метода при атрибуции анонимных текстов показало также, что оценки информантов имеют лучшую сходимость (меньшую вариативность) по сравнению с формальными характеристиками исследуемого текста, что открывает возможность установления закономерной связи между этими показателями. Иными словами, можно сказать, что формальные характеристики являются лишь «пусковыми механизмами» формирования субъективных образов (имплицатов). Трансформируясь в количественном отношении, имплицаты сохраняют основную тенденцию своего формирования к константной, инвариантной структуре. Тем самым открывается практическая возможность определения значений имплицатов по имеющимся значениям формальных характеристик (без опроса информантов). Алгоритмизация процедуры вычисления значений имплицатов по значениям формальных характеристик текста осуществляется с помощью применения регрессионного анализа. В данном случае на ЭВМ Минск-22 были вычислены коэффициенты регрессии для уравнений вида:

$$\begin{aligned} Y_1 &= a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + \dots + a_{18}x_8 + B_1 \\ Y_2 &= a_{22}x_1 + a_{22}x_2 + \dots + a_{28}x_8 + B_2 \\ Y_3 &= a_{81}x_1 + a_{82}x_2 + \dots + a_{88}x_8 + B_8 \end{aligned}$$

¹ Бессонов Б. Л. Не Щедрин, а Д. А. Клеменц (Об авторстве «Письма к графу Д. А. Толстому»). — Русская литература 1970, № 1, с. 171—173.

где: Y_j — значения импликатов формальных характеристик,
 x_i — значения формальных характеристик,
 a_{ij} — значения коэффициентов регрессии,
 v_j — свободный член уравнения.

Оценка коэффициентов приведенных линейных уравнений множественной регрессии позволяет построить доверительную область, в которой с заданной вероятностью лежит линия истинной регрессии. В данном случае все вычисления проводились для 5% уровня значимости. Вычисления и анализ уравнений регрессии осуществлялись на массиве в 23 текста.

Один из первых опытов применения импликативного метода в том виде, как он описан выше, касается вопроса спорного авторства при переводе одного текста двумя авторами. История этого вопроса, а также метод и методика автороведческих экспертиз были подробно изложены в статье Я. И. Рецкера¹. Поводом для конфликтной ситуации послужили варианты перевода романа К. Причард «Золотые мили»: «В конце 1959 г. С. С. Серпинский подал в суд на переводчицу Т. А. Озерскую, обвинив ее в том, что она заимствовала у него перевод первых одиннадцати глав романа «Золотые мили» К. Причард, и потребовал взыскать с Озерской двадцать тысяч рублей гонорара в его пользу. Нарсуд Дзержинского района, рассмотрев дело на пяти заседаниях, признал факт заимствования и постановил удовлетворить иск Серпинского в половинном размере. Другими словами, суд признал, что Озерская взяла уже ранее (в 1949 г.) изданный перевод Серпинского, отредактировала его и выдала за свой. Опротестованное обеими сторонами решение нарсуда было отменено коллегией горсуда, и дело было передано на новое рассмотрение.

Приступая к экспертизе, наша комиссия (старшие преподаватели кафедры перевода И. Э. Воронцова, Н. Г. Санников и я) ознакомились с заключениями двух экспертиз, имеющих в деле: экспертизой Союза писателей и экспертизой трех преподавателей МГУ. Эксперты пришли к диаметрально противоположным выводам: эксперты-переводчики М. Ф. Лорне и О. П. Холмская, члены секции переводчиков Союза писателей, категорически отвергли обви-

¹ Рецкер Я. Плагнат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе) — Тетради переводчика, М., Международные отношения, 1963, № 1.

нение в плагиате; эксперты МГУ не менее категорически признали, что перевод Озерской, изданный в 1954 году, — это отредактированный перевод Серпинского, причем плагиат «искусно замаскирован»¹.

В ходе третьей экспертизы И. Э. Воронцова, Н. Г. Санников и Я. И. Рецкер (МГПИИЯ им. М. Тореза) пришли к выводу, что перевод Т. А. Озерской не является плагиатом. Конфликтная ситуация такого типа дает хорошую возможность проверить эффективность имплицативного метода и наметить пути его дальнейшей разработки, а также установить валидность экспертиз, проведенных традиционными текстологическими (литературоведческими) методами.

Из третьей, шестой и девятой главы (случайная выборка) были отобраны шесть текстов примерно одинаковой длины, фиксирующих те или иные варианты перевода романа «Золотые мили»: первый текст — около 220 слов (начиная со слов «никто бы не смог узнать в миссис Гауг...» и кончая словами «... Фриско до сих пор не может ее забыть»)²; второй текст — около 238 слов (начиная со слов «когда миссис Гауг радушно и тепло...» и кончая словами «... Фриско, как видно, все еще не может позабыть ее»)³, третий текст — около 261 слова (начиная со слов «в тот вечер Динни, услышав на кухне...» и кончая словами «достаточно поглядеть на книжные полки, которые он себе соорудил»)⁴, четвертый текст — около 225 слов (начиная со слов «в тот воскресный вечер Динни...» и кончая словами «...устроенные им в своей спальне, чтобы убедиться в этом»)⁵, пятый текст — около 257 слов (начиная со слов «всю эту неделю Том...» и кончая словами «...Тому никогда не удавалось выспаться как следует»)⁶, шестой текст — около 244 слов (начиная со слов «Том всю неделю работал...» и кончая словами «...кроме того, днем ему трудно было уснуть»)⁷. Суммарные результаты анализа текстов с помощью имплицативного метода представлены в следующей таблице.

¹ Там же, с. 43—44.

² Причард К. Золотые мили. Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и С. Серпинского, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1949, с. 36—47.

³ Причард К. С. Золотые мили. Пер. с англ. Т. Озерской и Т. Кудрявцевой, 3-е изд., М., Изд-во иностр. лит. 1958, с. 34—35.

⁴ Там же, с. 71—72.

⁵ Пер. Т. Кудрявцевой и С. Серпинского, с. 70—71.

⁶ Пер. Т. Озерской и Т. Кудрявцевой, с. 96.

⁷ Пер. Т. Кудрявцевой и С. Серпинского, с. 94.

Им- пли- каты	Тексты							Уро- вень значи- мости
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	1%	5%
У ₁	1,345	1,998	1,584	1,148	2,410	1,917	1,888	1,44
У ₂	1,563	2,529	2,366	2,142	0,77	1,577	2,786	2,16
У ₃	0,401	0,772	1,066	0,755	-0,036	0,358	1,832	1,42
У ₄	0,679	0,391	0,623	0,498	-0,395	0,109	0,929	0,72
У ₅	0,780	0,454	0,228	0,318	-0,578	-0,087	1,445	1,12
У ₆	3,761	3,315	2,372	2,524	0,589	1,804	3,019	2,34
У ₇	-3,096	-5,234	-4,129	-2,381	-4,160	-3,406	6,837	5,30
У ₈	-1,295	-0,873	-1,622	-1,834	-0,631	-1,188	1,522	1,18

Ход сравнения по этой таблице следующий. Сравниваются тексты одного порядка, например, тексты № 1 и № 2 по одному из импликатов (например, по импликату У₁). Различие между ними оценивается величиной 0,653 (1,998 — 1,345). Сравниваем эту величину с критерием различия при 1% или 5% уровне значимости (соответственно 1,88 и 1,44). Если уровень значимости (1% или 5%) превышает по величине фактическое различие между импликатами, то делается вывод, что сравниваемые тексты принадлежат одному автору. Если уровень значимости (1% или 5%) не превышает по величине фактическое различие между импликатами, то делается вывод, что сравниваемые тексты принадлежат разным авторам.

Общий вывод: все шесть текстов практически не различаются между собой (надежность полученного вывода находится на уровне 95%).

Проблема «проекции» (Н. А. Рубакин), «концепта» (А. А. Брудный) текста (в том числе и переводного) требует дальнейшей разработки процедур, связанных с анализом восприятия и понимания языковых единиц как формально-содержательных. По-видимому, «образ текста», «представление о тексте» («представление» в смысле Г. Фреге), формирующиеся у того или иного индивида в ходе накопления энграмм (в том числе и речевых/языковых), являются тем исходным материалом, от анализа которого зависят и формулировка самого понятия текст, и оценка его индивидом.

Попытки формализации процесса взаимодействия реципиента и текста, изложенные в данной статье, являются лишь предварительными, но они дают основание надеяться

на объективность результатов предлагаемого имплицативного метода.

Вышеизложенные результаты атрибуции текстов могут быть обусловлены экстралингвистическими и психологическими факторами, способствовавшими группировке этих текстов в одном семантическом пространстве. Прежде всего к таким факторам следует отнести, по-видимому, ориентацию переводчиков на некое среднепрозаическое койне, не позволяющее разграничить один идеолект (переводчика) от другого. Одним из таких факторов могла быть также ориентация переводчиков не на семантическую, а на языковую (речевую) технологию, что приводило не к реконструкции технологии образа ПЯ средствами ИЯ, но к замене одних языковых (речевых) единиц другими неравномоощными единицами.

Семантическое однообразие текстов могло быть обусловлено и квалификационными возможностями переводчиков как носителей русского языка (в частности неумение оперировать поэтической (художественной) речью). Не исключена возможность того, что «точка зрения» автора переводимых текстов оказалась не сходной с «точкой зрения» переводчиков, что привело к необходимости идти по некоторому среднему переводческому пути, в то время как сами переводчики оказались принадлежащими к одному психическому (семиотическому) типу.

Е. Б. Передерий
(Москва)

ФУНКЦИИ И ВИДЫ КОНВЕРСИНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

(на материале испанского и русского языков)

Известно, что при переводе не всегда удается установить отношения эквивалентности на всех пяти уровнях содержания между ИЯ и ПЯ (уровень языковых знаков, высказывания, сообщения, описания ситуации и цели коммуникации)¹. Возможность установления эквивалентных отношений на том или ином уровне обусловлена соотношением средств выражения, используемых для репрезента-

¹ Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., Международные отношения, 1973, с. 76.

ции данного вида информации в ИЯ и ПЯ. В настоящей статье рассматривается один из способов установления отношения смысловой эквивалентности на уровне высказывания — перевод с помощью конверсных преобразований (КП).

КП в синтаксисе¹ представляет собой операцию, связанную с изменением направления отношения в предикатном выражении, иными словами, перераспределение его аргументов в ролях членов предложения. В основе таких преобразований лежат различия в закономерностях формирования высказывания в ИЯ и ПЯ: способах выражения актуального членения, сочетаемостных ограничениях (семантических, синтаксических, лексических), а также необходимость сохранения функционального и прагматического тождества перевода оригиналу.

В качестве источников были взяты произведения испанских и латиноамериканских авторов конца XIX-XX века и их переводы на русский язык. Данные, полученные при сопоставлении текстов ИЯ и ПЯ, учитывались только в случае их частотности, регулярной повторяемости в текстах разных авторов и разных переводчиков.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению вопроса, необходимо осветить исходные теоретические положения.

В настоящее время для синтаксиса характерен уровневый подход к изучению содержания высказывания как к иерархически организованной системе, восходящий к Ч. Пирсу и обоснованный Ч. Моррисом². В рамках этой теории языковой знак характеризуется не только именем (означающим) и семантикой (означаемым), но и еще двумя параметрами: синтактикой и прагматикой. Данная концепция, в целом принятая подавляющим большинством лингвистов, в дальнейшем была модифицирована и развита в нескольких направлениях. Вслед за Ф. Данешем мы будем различать три уровня: а) уровень семантической структуры предложения, б) уровень грамматической (синтаксической) структуры, в) уровень организации высказывания³.

¹ О применении лексических конверсивов см. Штайер Е. О конверсной трансформации. — Тетради переводчика, М., Международ. отношения, 1970, № 7.

² Morris Ch. W. Signs, Language and Behaviour. N. Y., 1947; Foundations of the Theory of Sign. Chicago, 1945.

³ Д а п е ш Fr. A Three-Level Approach to Syntax. TLP, 1964.

Семантическую структуру высказывания составляют лингвистически релевантные обобщения конкретных лексических значений, выступающие в форме абстрактных слов-категорий: жизнь, состояние, количество, действие и т. д. Семантическая структура обычно описывается в терминах предикатной логики как предикатное выражение. Предикат определяется как функция, аргументами которой являются предметы (актанты), связанные отношениями¹. Для целей данного исследования, т. е. для рассмотрения соответствия элементов семантической и коммуникативной структур синтаксической структуре, необходима семантическая интерпретация компонентов предикатного выражения: предиката и его аргументов — в терминах семантической ситуации и семантических ролей.

В качестве семантически релевантных признаков предиката, обуславливающих строение семантической структуры, можно выделить следующие:

- а) с точки зрения протекания ситуации:
 - ограниченные во времени (динамические) предикаты;
 - неограниченные во времени (статичные) предикаты;
- б) с точки зрения отношений с аргументами:
 - абсолютные-относительные (переходные-непереходные) предикаты;
 - активные-неактивные (каузативные-некаузативные) предикаты;
 - локальность-нелокальность контакта предиката².

Каждый семантический тип предиката предполагает свой специфический набор аргументов. Проблема выявления и структурирования семантических ролей аргументов широко дискутируется в последнее десятилетие. В настоящее время внимание исследователей сосредоточено не столько на таксономическом подходе к проблеме, сколько

¹ Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 33.

² См. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972; Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. — В сб.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., Наука, 1977; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976; Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., Высш. школа, 1974; Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики: 1972, М., Наука, 1973; Чейф У. Значение и структура языка. М., Прогресс, 1975; Lyons J. Semantics. Ld., N. Y., Melbourne, 1977, v. 2.

на выявлении некоторой иерархической организации их¹. Предлагаемая классификация семантических ролей аргументов базируется на их референтной соотнесенности. Внутри каждого класса аргументы находятся в отношении дополнительной дистрибуции; присутствие того или иного из них обуславливается типом предиката:

— класс субъектов, который соотносится с одушевленными именами, антропонимами и включает: агенс, пациенс, экспериенцер, адресат, контрагент, посессор;

— класс объектов, где в качестве денотата выступает неодушевленный предмет. Включает: объект квалификации, местонахождения, восприятия, обладания, субъективной оценки, объект, возникающий в результате целенаправленного действия, — результатив, объект речи (содержание), инструмент, объект каузации;

— класс адverbиалов, в котором в качестве денотата выступает ситуация²: место, время, причина, цель, источник, способ, мотивировка.

Указанные смысловые компоненты составляют ядро семантической структуры; их языковое выражение строится в соответствии с правилами семантической сочетаемости, понимаемой как закономерности сложения элементарных смыслов. Требования последней не позволяют при переводе сохранить неизменной синтаксическую структуру ИЯ.

Приведем несколько примеров.

1. Статика-динамика предиката. Выражение статичности и динамичности в ИЯ осуществляется в основном за счет противопоставления имперфекта и претерита, причем неопределенность может быть выражена как в активе, так и в пассиве. В русском языке страдательный залог имеет значение однократности, завершенности действия, поэтому при переводе статичных ситуаций, где предикат ИЯ выражен пассивом, имеет место трансформация «пассив ↔ актив»:

¹ Впервые эта идея была высказана Филлмором. См. Fillmore Ch. J. The Case for Case. Universals in linguistic theory, 1968; а также: Some problems for case grammar. In: Georgetown University monograph series on languages and linguistics, 24, 1971; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика, М., Наука, 1974.

² См. обоснование: Апресян Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. — В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., Наука, 1969, сс. 304—306; А р у т ю н о в а Н. Д. Указ. соч. с. 122.

(1) ella era bien recibida, admirada y obsequiada por todas partes... (Galdós)

... ее всюду принимали любезно и радушно, ею всюду восхищались...

Данное высказывание описывает статичную ситуацию отношения к субъекту. Экспериментер носит обобщенный характер, на что указывают обстоятельства места *por todas partes* *всюду*. (Ср. страдательную конструкцию «...она была любезно и радушно принята», скорее выражающую однократное действие, в то время как в ИЯ имеется в виду признак постоянный; внимание сосредоточено на квалификации отношения без учета временных ограничений.)

Понятие динамики предиката может быть соотнесено с понятием способов действия, понимаемых как семантические разряды глаголов, не имеющие специальных способов формального выражения. В качестве диагностирующих признаков выступают разнообразные средства: морфологические, синтаксические, лексические, контекст¹.

Подвиды динамических предикатов, при переводе языковых выражений которых применяются КП, следующие: ограничительный, начинательный, интенсивный.

Ограниченность протекания действия во времени, «от и до», не имеет специальной морфологической формы выражения в ИЯ и ПЯ. Значение определяется по контексту:

(2) *Llevaba un traje de diagonal ténido de negro, gastado por el uso, y unos desconchados botines de charol.*
(Márquez)

На ней было выкрашенное в черный цвет старенькое платье из диагонали и потрескавшиеся лаковые башмачки.

В переводе без КП это предложение имело бы вид: «Она носила выкрашенное в черный цвет старенькое платье...», которое можно было бы интерпретировать как описывающее статичную ситуацию, — признак, постоянно присущий субъекту. В действительности же речь идет о том, в каком виде Ребека, персонаж романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», появилась в доме Буэндиа, иными словами, описывается ее внешний вид в строго определенный, ограниченный отрезок времени. Глагол «носить (одежду)» не

¹ Эта точка зрения в русской аспектологии разделяется Ю. С. Масловым, А. В. Бондарко, А. М. Ломовым и другими.

соответствует данному значению, он применим в ситуациях итеративных.

Начинательные предикаты (ингрессивный и инхоативный подтипы в данной статье отдельно не рассматриваются) обычно оформляются в ИЯ посредством *pretérito indefinido*, реже — *pretérito imperfecto* и специальных перифрастических конструкций. В ПЯ, наряду со специальной конструкцией «начать что-л. делать», употребляется также глагол совершенного вида. Однако этих средств бывает недостаточно. Например, в ситуациях чувств, мысли, субъективной оценки, воли начинательное значение можно выразить только посредством КП:

(3) *Llegó a sentir la tentación de descuidar el estudio...*
(Unamuno)

У Хоакина даже закралось желание забросить уче-
ние...

(4) *Pero Gabriel no retiraba la mano ni por cuanto hay, que a mí me daba rabia sentir que me iba poniendo colorada.* (Delibes)

А Габриэль не убирает руку, и все тут, и я начала
злиться — чувствую, что краснею.

(Ср.* он начал испытывать желание, меня начало
злить.)

Замечено, что с помощью КП передается динамика предиката в основном в нелокальных ситуациях. Ситуации психофизического состояния регулярно переводятся посредством безличных конструкций: *Me aburro aquí* — *Мне здесь скучно*. В ситуациях чувства-отношения воли название ситуации (именной компонент аналитической конструкции) в ИЯ обычно занимает позицию прямого дополнения независимо от видо-временных оттенков глагола-связки; в ПЯ в начинательных ситуациях название ситуации занимает позицию подлежащего. Соответственно экспериментер меняет свой синтаксический статус: из подлежащего переходит на место дополнения.

2. Активность-неактивность. Это противопоставление основано на характеристике субъекта, который может присоединять данный предикат. Активные предикаты (действия, по Лайонзу и Чейфу) имеют в качестве субъекта агент. Лайонз выделяет следующие признаки агента: одушевленность, интенциональность, ответственность и использование внутреннего источника энергии¹. Объект относит-

¹ Lyons J. Op. cit., p. 484.

ся к ситуации как результат деятельности агента. Если второе место замещено антропонимом, то это может быть пациент, испытывающий на себе воздействие агента, или контрагента. Активные предикаты, таким образом, относятся к разряду каузативных.

Как показали наблюдения, русский язык стремится к более эксплицитному выражению активности, чем испанский, т. е. к тому, чтобы агент занимал позицию подлежащего, а объект или пациент — прямого дополнения. В испанском языке обнаружены следующие способы оформления агента: через дополнение (прямое и косвенное), определение, обстоятельство. Агент также может вообще быть не выражен в семантической структуре. Пациент (объект) во всех случаях занимает позицию подлежащего. Например:

(5) Del público brota un murmullo. (Cofino López)

Толпа отвечает неразборчивым гулом.

(6) Y Moyano, entre sus sucias barbas, murmuró: "No es muerto; es un ahogado." (Delibes)

А Мойано пробурчал в свои грязные бакенбарды: «Он не умер, его замучили».

Насколько оправдано применение КП в приведенных примерах? Нормы ПЯ позволяют сохранить синтаксическую структуру ИЯ, ср. (5). В толпе слышится гул. (6)... Он мученик.

В таком переводе утрачивается смысловой компонент активности субъекта: толпа воспринимается как нечто пассивное, в то время как по контексту оратор ведет с ней оживленный диалог, толпа — активный субъект, контрагент. В (6) перевод всего высказывания делает очевидным нелепицу: «Он не умер, он мученик». По контексту некая группа лиц довела пациента до смерти. В ИЯ это видно из противопоставления muerto — ahogado, где ahogado имеет ярко выраженную пассивную окраску как результат каузативного воздействия; В ПЯ противопоставление устанавливается между глаголами: «умер-замучили», последний из которых — каузативный.

В ситуациях с неактивными предикатами в ИЯ чаще, чем в ПЯ, неактивный субъект (пациент, посессор или экспериментер) выступает в роли подлежащего:

(7) Cambió de voz. El bozo se le pobló de un vello incipiente. (Márquez)

Голос у него огрубел. Подбородок и щеки покрылись молодым пушком.

Ср.: «Он изменил голос», — описывает совершенно другую ситуацию, а именно ситуацию каузации изменения признака с агентом и объектом каузации. Речь же идет об изменении признака объекта (голоса), являющегося неотъемлемой частью посессора. Субъект не имеет никакой власти над происходящим изменением.

3. Сохранение идентичного набора аргументов. Имеются в виду такие условия, когда данный набор аргументов может быть выражен в ПЯ только с помощью КП. Рассмотрим случай, когда «прямой» перевод требует наличия аргумента, отсутствующего в ИЯ:

(8) *Suspiraba la ranchera: ¿Y si hallas la muerte, Filomeno?* (Valle-Inclán)

Лаурита вздыхала: А если *тебя убьют*, Филомено?

В выражении «найти смерть» должно быть обязательно указание на место, где это произойдет, ср. «Там он нашел свою смерть», или на причину в «принять смерть», ср. «но примешь ты смерть от коня своего». Вариантом перевода может быть: «А если тебя ждет смерть, Филомено?», также конверсное исходному высказыванию.

Может быть и так, что в переводе без КП будет иметь место замена одного аргумента другим:

(9) *Se impuso el toque de queda a las seis de la tarde.* (Márquez)

Шесть часов вечера объявили комендантским часом.

Сущность данной ситуации можно сформулировать так: 'некто каузировал время шесть часов вечера быть комендантским часом'. Объект — шесть часов вечера — в результате каузирующего воздействия получил признак — быть комендантским часом. Ср. перевод без КП: «В шесть часов вечера объявили комендантский час», где «шесть часов вечера» — уже не объект каузации, а временной уточнитель, занимающий периферийную позицию.

4. Одушевленность-неодушевленность. Речь идет о противопоставлении класса субъектов классу объектов как антропонимов-неантропонимов и класса адвербиалов как безразличного к этому противопоставлению. Способность слова регламентировать семантические признаки своего окружения по этому признаку получила название семанти-

ческой избирательности¹. Испанский и русский языки обнаруживают различия в проявлении семантической избирательности.

(10) ...no sabría conservar toda la sangre fría... ante mi prima si se **viera en peligro**. (Unamuno)

...я не сумею сохранить все надлежащее хладнокровие (...) при виде опасности, *которая может угрожать моей кузине*.

В выражениях «находиться в опасности» и «подвергаться опасности», являющихся прямым переводом *verse en peligro*, подразумевается объект, ср. «Отечество в опасности», а для пациенса необходима конструкция «опасность угрожает кому-то». Испанский глагол *peligrar* и синонимичные ему *estar*, *encontrarse*, *verse en peligro*, *correr peligro* безразличны к семантике подлежащего, ср.: *A cada paso peligrábamos de caer al abismo (Moliner)*; *Este jarrón corre peligro aquí (Moliner)*; *...es que los que corren peligro son los trabajadores... (Lera)*; *cuando peligran la patria y la fe... (Galdós)*

Если в семантической структуре присутствует объект, КП не производится, ср. «когда подвергаются опасности родина и вера...» (Гальдос).

Б. Факультативные семантические компоненты. Помимо семантических компонентов, релевантных для строения семантической структуры и составляющих основу для типологии ситуаций, необходимо выделить семантические компоненты другого рода, которые Чейф определил как флекссионные единицы².

Факультативные семантические компоненты модифицируют содержание ситуации, не затрагивая ее сущности. Однако введение их может существенно повлиять на строение синтаксической структуры.

Рассмотрим примеры переводов высказываний, в которых присутствуют компонент произвольности и модификаторы.

Семантический компонент произвольности добавляется как к активным, так и неактивным предикатам, и показывает, что ситуация имеет место случайно, непреднамеренно. Как и в случае с неактивными предикатами, в ПЯ

¹ См. Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. — В сб.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения, М., Наука, 1969.

² Чейф У. Л. Указ. соч., гл. 13, 14.

субъект имеет тенденцию не выступать в роли подлежащего:

(11) Puso a hervir todo a fuego vivo en un caldero de aceite de ricino hasta **obtener un jarabe** espeso y pestilente más parecido al caramelo vulgar. (Márquez)

Потом вылил все это в котелок с касторовым маслом и кипятил на сильном огне до тех пор, пока *не получился* густой зловонный *сироп*, напоминающий обыкновенную патоку...

Объект (сироп) возникает «само собой», в результате действия, направленного на достижение совершенно другой цели — получение золота. Ср. «...он получил сироп» описывает выполнение поставленной цели.

Сочетание произвольности с неактивным предикатом:

(12) **Quedóse contemplando**, sin saber por qué, la testa del toro... (Ibáñez)

Взгляд его невольно *задержался* на голове быка.

На произвольность действия указывает модификатор *sin saber por qué* *невольно*.

Понятие модификатора и его роль в конверсии были описаны Ю. Д. Апресяном. Модификатор, характеризующий не только действие, но и его субъект, в семантическом представлении высказывания оказывается предикатом, соединенным с главным предикатом сочинительной зависимостью¹. В русском языке действует общее синтаксическое правило, состоящее в том, что если субъект предиката P_1 является подлежащим, то его модификатором может быть только такой предикат P_2 , субъект которого совпадает с субъектом P_1^2 . К числу таких модификаторов относятся наречия, наречные предложно-именные конструкции, деепричастные обороты. В ИЯ правило согласования субъектов не носит столь жесткого характера, что доказывается наличием абсолютных конструкций с личными формами глагола. Ср. хрестоматийное «Подъезжая к сей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа» и нормативное *Estando yo presente, no cometerán esa tontería.* (Gili y Gaya).

При переводе высказываний, в которых отсутствует необходимое для ПЯ согласование субъектов, позиция, за-

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика, с. 273.

² Там же, с. 274.

мещаемая субъектом основного предикатного выражения, конвертируется:

(13) ... *с о п о с i é n d o t e n o m e c h o c a q u e h a y a d e d i c a d o u n o [u n v e r s o] a t u s o j o s . (D e l i b e s)*

З н а я т е б я , я н е у д и в л я ю с я , ч т о о н п о с в я т и л с т и х и т в о и м г л а з а м .

(14) *A l h a b l a r a s í , s u s m i r a d a s s e h a b í a n d i r i g i d o , c o n u n r á p i d o m o v i m i e n t o d e a d v e r t e n c i a h a c i a a l g o q u e d e b í a e s t a r d e t r á s d e l p a l o d e a g u a . (G a l l e g o s)*

П р и э т о м *х о з я и н м е т н у л в з г л я д* в с т о р о н у р о с ш е г о у с а м о й в о д ы д е р е в а .

В (13) основное предикатное выражение в ИЯ оформлено сложноподчиненным предложением с придаточным подлежащим, где экспериенцер выступает в роли прямого дополнения, а объект отношения — придаточного подлежащего. Модификатор представляет собой абсолютный герундиальный оборот, субъект его предикатного выражения — тот же экспериенцер. В результате КП экспериенцер в ПЯ занял позицию подлежащего. В (14) произведена перегруппировка семантических компонентов: семы модификатора 'быстрое', 'скрытое', 'с целью предупреждения', содержатся в выражении «метнуть взгляд». Следовательно, в ПЯ отсутствует отдельное вербальное выражение модификатора, его семы включены непосредственно в глагол-сказуемое. Причиной данной трансформации является тот факт, что модификатор характеризует не название ситуации («взгляд»), а действие и его субъект, преследующий определенные цели (с целью предупреждения) и смотрящий определенным образом, (быстро, скрытно).

Итак, рассмотрев основные (но далеко не все) случаи несовпадения закономерностей семантической сочетаемости, мы можем заключить, что русский язык, в значительно большей степени, чем испанский, стремится к согласованию элементарных смыслов между собой, а также к согласованию компонентов семантической структуры с их синтаксическим оформлением.

Отношения между семантической структурой и синтаксической складываются по-разному в разных языках, в чем сказывается своеобразие закономерностей синтаксической сочетаемости, понимаемой как способность того

или иного аргумента выступать в роли того или иного члена предложения.

Рассмотрим проявление синтаксической сочетаемости в ИЯ и ПЯ на примере предложений, описывающих каузативные ситуации.

В ряде случаев русский язык стремится к прямой номинации предикатного выражения в отличие от испанского. Если позиция подлежащего замещается агентом, КП, как правило, не производится:

(15) Me basto solo para llevarlo al puesto de mando de la compañía. (Lera)

Я один смогу отвести его на командный пункт роты.

В случае замещения позиции подлежащего аргументом причины, выраженным событийным именем или именем неантропонима, КП более чем вероятно:

(16) Ya los gallos han traído demasiadas amarguras a esta casa... (Márquez)

Достаточно горя было нашему роду от петухов.

(17) El ruido de los cerrojos la hizo recoger los pies, como si de pronto se hubiera sentido a la orilla de un precipicio (Asturias)

При звоне ключей она подобрала ноги, как будто внезапно увидела, что сидит на краю пропасти.

Данная закономерность распространяется также на предложения, чьи предикатные выражения содержат другие адвербиальные аргументы: места, времени и т. п., которые в ИЯ стремятся перейти из позиции подлежащего в позицию обстоятельства:

(18) Cada una de las comunicaciones porta el timbre de la censura de la Primera División. (Carrasco)

На всех письмах и телеграммах стоит печать цензуры Первой дивизии.

Коммуникативная структура высказывания — двучленная, в процессе ее формирования происходит выделение темы сообщения и сообщаемого (ремы). Коммуникативной структуре (функциональной перспективе предложения — ФПП) принадлежит особая роль в построении высказывания. ФПП связана с организацией предложения как сообщения: с тем, «как функционируют грамматические и се-

мантические структуры в самом акте коммуникации»¹. Хэллидей определяет ФПП как текстообразующий компонент, выполняющий одну из функций языка — функцию создания текста². В генеративной грамматике актуальное членение (АЧ) нередко трактуется как первая ступень порождения высказывания, обуславливающая дальнейшие возможности перифразирования³.

Способы выражения АЧ, т. е. организации коммуникативной структуры в связи с синтаксической, в испанском языке изучены недостаточно. Единственно непреложным является факт, что для оформления ремы в ИЯ имеются специальные средства: эмфатические конструкции, плеоназм, неопределенный артикль. Поскольку в русском языке наиболее сильной позицией для рематического компонента является подлежащее, в некоторых случаях возможно применение КП:

(19) Iremos: a mí también me ha invitado. (Ibáñez)

Поедем. Я тоже приглашен.

Рема в ПЯ может выражаться только порядком слов:

(20) Un murmullo de estupefacción acogió el golpe. (Ibáñez)

Удар был встречен ропотом изумления.

* * *

Были рассмотрены основные функции КП как разновидности переводческих трансформаций. Дадим определение синтаксических конверсивов.

Два высказывания являются конверсивами друг друга, если они имеют: 1) единую коммуникативную структуру, 2) единую семантическую структуру, 3) одинаковое число позиций в синтаксической структуре и 4) если по крайней мере два аргумента занимают разные синтаксические позиции.

¹ Д а п е ж Гр. Ор. cit., p. 227.

² Х э л л и д е й М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания. — «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 8, М., Прогресс, 1978, с. 139.

³ А д а м е ц П. Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы. В сб.: Papers on Functional Sentence Perspective. Prague, 1974. См. также другие статьи этого сборника.

Б. Н. Климзо

(Москва)

О РУССКО-АНГЛИЙСКОМ СЛОВАРЕ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы объем технических переводов с русского языка на иностранные значительно вырос. Теперь такими переводами занимаются не только специализированные издательства и центры перевода, но и профессиональные переводчики исследовательских и проектных институтов и многочисленных предприятий промышленности. Переводчики крайне нуждаются в русско-иноязычных словарях слов и словосочетаний, широко используемых во всех областях науки и техники (будем для краткости называть такие словари *общетехническими*). В частности, переводчикам очень нужен русско-английский общетехнический словарь. Пользующийся известностью словарь такого типа, выпущенный в свет в 1966 году (составитель М. Г. Циммерман), давно уже стал библиографической редкостью.

В русско-английском общетехническом словаре нуждаются и советские специалисты, публикующие свои работы в международных журналах на английском языке. Кроме того, в таком словаре заинтересованы специалисты и переводчики развивающихся стран, в которых английский язык служит в настоящее время языком-посредником. Наконец, словарь окажется весьма полезным переводчикам и специалистам развитых капиталистических стран, поскольку интерес к советской научно-технической литературе в этих странах очень велик. С учетом сказанного мы при обсуждении общетехнического русско-английского словаря будем иметь в виду его **многоадресность**.

Кроме многоадресности, критерием, о котором постоянно должен помнить составитель общетехнического словаря,

является **удобство пользования** словарем, или простота, быстрота и надежность отыскания в словаре нужной словарной статьи. Исходя из этого критерия, выбираются принципы записи словарных статей и построения словника, система ссылок и примечаний, синонимы, структура указателя словосочетаний.

Практические переводчики давно говорят о том, что им необходим общетехнический словарь, в котором помимо лексической информации содержались бы сведения о приемах компрессии текста при переводе, а также о синтаксисе, стиле и пунктуации английского языка научно-технической литературы. Это справедливое требование вполне выполнимо, если воспользоваться критерием **дополнительной полезной нагрузки**, который определяет выбор состава и структуры словарных статей, а также объем примечаний и иллюстрирующих контекстов.

Краткая характеристика существующих русско-английских общетехнических словарей

1. Н. В. Обручева и В. М. Карзинкин. Справочник переводчика биохимических текстов с русского языка на английский. М., Наука, 1972. 2155 словарных статей. Тираж 7000 экз.

Справочник представляет собой словарь, статьями которого служат словосочетания и отрывки письменной речи на русском языке, снабженные полными переводами на английский. Около 70% словарных статей — это узкоспециальные терминологические сочетания из области биохимии, что, конечно, очень сужает круг пользователей справочника. Словарные статьи расположены по ситуативно-тематическому принципу; в конце справочника приведен алфавитный указатель терминов и некоторых (не всех) опорных слов словосочетаний, а также несколько приложений терминологического характера.

2. А. Л. Пумпянский. Пособие по переводу научной и технической литературы на английский язык. М., Наука, 1965. Около 4300 словарных статей. Тираж 15 000 экз.

Пособие представляет собой словарь, статьями которого служат слова общенаучного характера и термины (в основном из области химии), представленные приблизительно в равном количестве. Так, из 67 статей на букву А 33 статьи — узкоспециальные термины; из 142 статей на букву Э 80 статей — узкоспециальные термины. Факти-

ческая же доля объема словаря, приходящаяся на термины, еще больше. Например, статья «Кривая» содержит 41 термин, а статья «Метод» — 276 (!) терминов.

Только небольшое число словарных статей содержит словосочетания, которые иногда снабжаются иллюстрирующими русскими предложениями с полным переводом на английский язык. Отдельные словарные статьи представляют собой синонимические ряды без указания семантических и стилистических различий между синонимами.

3. М. Г. Циммерман. Русско-английский научно-технический словарь полезных сочетаний и выражений. М., Мир, год издания ориентировочно 1966 (не указан), тираж не указан. Около 5900 статей.

Название не совсем точно отражает содержание словаря, так как основная доля словарных статей — отдельные слова либо предложные и терминологические двухсловные сочетания. Например, из 553 статей на букву **О** 239 приходится на одно слово и 221 — на двухсловные сочетания. Если же говорить о самом словаре, то в нем найдена очень удачная структура словарной статьи. Словарь достаточно полон и пользуется заслуженной популярностью. Однако, за 13 лет, прошедших после выхода словаря, выявились отдельные его недостатки. К ним прежде всего следует отнести обилие ссылок и отсылок, затрудняющих пользование словарем; существование двух и более алфавитных порядков в пределах буквенного раздела; расположение иллюстрирующих примеров словарной статьи в английском алфавитном порядке; использование в качестве словарных статей терминов и терминологических сочетаний, имеющих узкоспециальный характер; неудачную запись отдельных статей; отсутствие указателя словосочетаний; неоправданно длинные синонимические ряды.

Сильные и слабые стороны рассмотренных словарей и особенно словаря М. Г. Циммермана следует учесть при составлении русско-иноязычных общетехнических словарей и, в частности, русско-английского словаря, к рассмотрению которого мы теперь переходим.

Состав словарных статей

Практика показывает, что переводчики заинтересованы в таких словарных статьях, как а) отдельные слова, наиболее часто используемые в научно-технической лите-

ратуре; б) фразеологизмы, или словосочетания, в которых слова переводятся не так, как вне этих сочетаний; в) свободные словосочетания, в которых слова переводятся так же, как они переводились бы по отдельности; г) отрывки письменной речи из 8-12 слов; д) терминологические сочетания общеупотребительного характера. Остановимся на всех этих словарных статьях несколько подробнее.

Приводимые в словаре отдельные слова избавляют переводчика от необходимости подбирать синоним, принятый в технической литературе. Например, в статье «актуальный» переводчику даются английские эквиваленты *relevant* и *timely* и не указываются синонимы, характерные для общественно-политической литературы (*topical, urgent, burning*). Интересны также для переводчиков значения слов, не указываемые в общих переводных словарях, но интенсивно используемые в современном английском языке науки и техники. Примерами здесь могут служить *prediction* в значении «расчет», *strategy* в значении «методика», *field* в значении «эксплуатация» и т. д. Наконец, нередко переводным эквивалентом одного русского слова служит английское словосочетание, например: *учитывать* = *to take into consideration*; *рекомендуется* = *it is recommended that*; *элементарнейший* = *the most basic*.

Необходимость присутствия в общетехническом словаре фразеологизмов не нуждается в обосновании: фразеологизмы делают перевод более идиоматическим. Заметим, только, что некоторые фразеологизмы приобретают в научно-технической литературе совершенно иные значения, нежели в художественной и общественно-политической литературе. Например, для фразеологизма *to compare favourably with* словарь В. К. Мюллера и Большой англо-русский словарь (БАРС) дают соответственно значения *выгодно отличаться от* и *выигрывать при сравнении с*. Однако, в научно-технической литературе этот фразеологизм означает *хорошо согласовываться с*.

На полезность приведения в словарях отдельных свободных словосочетаний указывает, в частности, проф. И. Р. Гальперин в предисловии к БАРС. Добавим лишь, что приводимые в общетехническом словаре свободные словосочетания часто приближаются к штампам, то есть служат для переводчиков готовыми «вставками» в текст перевода. (Пример: *Можно начать немедленные действия по* = *prompt action may be taken for*).

Вставлять в текст перевода можно и более длинные выражения, представляющие собой по существу **отрывки письменной речи**, например: «Но поскольку, как нам кажется, в этом направлении мало что делается» (11 слов); «Необходимо договориться о том, что мы понимаем под» (8 слов); «Аналогичные соображения должны быть справедливы и в отношении» (8 слов). Иноязычные эквиваленты таких длинных отрывков письменной речи несомненно интересуют переводчиков. Кстати, в словаре Н. В. Обручевой и В. М. Карзинкина содержатся в основном именно отрывки письменной речи, но, к сожалению, они, как упоминалось, носят узкоспециальный терминологический характер. Мы подошли теперь к одному из наиболее дискуссионных вопросов: целесообразно ли присутствие **терминологических сочетаний** в общетехническом словаре?

Поскольку общетехнический словарь должен содержать материал, представляющий только общий интерес, в нем не имеет смысла давать термины и терминологические сочетания, относящиеся к узким областям науки и техники и, следовательно, представляющие лишь частный интерес. Безусловно, русско-иноязычные терминологические словари нужны переводчикам, но они качественно и количественно относятся к словарям совсем другого рода. Попытка поместить терминологические сочетания в общетехническом словаре все равно не сделала бы его универсальным; кроме того, она привела бы к многократному увеличению объема словаря и, самое главное, существенно затруднила бы пользование словарем, так как словосочетания общего характера затерялись бы в окружении многочисленных терминов.

Конечно, нельзя не согласиться с теми, кто указывает на условность границы между терминологическими и нетерминологическими сочетаниями. Действительно, если выражение «выводить из строя», по-видимому, нетерминологическое, то выражение «выводить из эксплуатации» можно отнести к терминологическим уже потому, что оно имеет хождение только в технических текстах, хотя и отличается общеупотребительностью. Выражения «выводить из зацепления», «выводить концы», «выводить на орбиту» и «выводить породу» употребляются значительно ограниченнее (соответственно в механике, электротехнике, космонавтике и животноводстве), и их узкоспециальный характер не вызывает сомнения. Выражения вроде «заземление на корпус» и «закалка в масле» составлены практически из одних

терминов и могут рассматриваться как чисто терминологические.

Нам представляется, что в общетехническом словаре имеет смысл давать только **общеупотребительные терминологические сочетания** типа «выводить из эксплуатации» и не следует помещать узкоспециальные сочетания типа «выводить из зацепления» и тем более — чисто терминологические сочетания типа «закалка в масле». В то же время в общетехническом словаре полезно, по-видимому, поместить выражения математического характера, используемые самыми разными специалистами (например, «возводить в степень», «брать первую производную»), а также некоторые термины, необходимые при описании изготовления экспериментальной установки и проведения опытов.

Структура и полезная нагрузка словарной статьи

Словарная статья представляет собой русское слово или словосочетание, снабженное переводом на английский язык, причем английский эквивалент русского слова (словосочетания) дается в окружении контекста и выделяется шрифтом. Контекстом служит отрывок (как правило, в форме одного предложения) из оригинальной научно-технической статьи или монографии на английском языке. Вот, в частности, как выглядит словарная статья, снабженная одним иллюстрирующим примером:

Немало доказательств того, что

There is ample evidence that the floor of the test chamber is sufficiently far from the heating cylinder so as not to affect the melting process.

Нетрудно заметить, что иллюстрирующий пример приведен в полном виде, без сокращений и отточий. Благодаря такой нефрагментарной подаче примеров, переводчик, работая с общетехническим словарем, все время встречается с образцами подлинной письменной речи, с документально верными контекстами. И наоборот, если составитель словаря, экономя свое время или подчиняясь требованию экономить бумагу, начинает укорачивать и приглаживать примеры, последние теряют убедительность и, что еще хуже, перестают нести дополнительную нагрузку. Что же это за нагрузка и насколько важна она для переводчика?

Переводя на иностранный язык, переводчик испытывает трудности не только лексического характера. В теории перевода известно понятие *translateese*, то есть «переводческого языка», или иностранного языка, несущего черты родного языка переводчика. Перевод сделан на *translateese*, если переводчик калькирует лексику; применяет синтаксические модели родного языка, чуждые иностранному языку; игнорирует приемы компрессии текста, в результате чего перевод разбухает по объему и лишается лаконичности, присущей оригинальным текстам; недостаточно использует стилистические средства иностранного языка. Стремясь сделать свой перевод полноценнее, переводчик нередко ищет в словаре информацию, выходящую за лексические рамки. И вот здесь-то примеры в нефрагментарном виде оказывают ему огромную помощь. Эффективность примеров еще более возрастает, если в отдельных интересных случаях снабдить их комментариями. Все комментарии полезно свести в самостоятельный раздел, помещаемый в конце словаря. Комментарий не обязательно должен быть большим по объему, в нем достаточно указать ту или иную особенность современного английского языка научно-технической литературы.

Покажем на нескольких примерах, какую дополнительную информацию может получить переводчик, пользуясь общетехническим словарем.

1) Экспериментально-теоретическое исследование

An experimental and theoretical investigation was conducted to determine the operating characteristics of full-scale, arched outer-race bearings and to compare the results with those of a similar conventional deep-groove bearing.

Из этой статьи переводчик получает информацию о соединении двух определений союзом *and*, а не дефисом; о несовпадении порядка слов при актуальном членении в предложениях подобного типа в русском и английском языках; о стилистической замене *characteristics* словом *results*, о повторении частицы *to* перед инфинитивом в случае развернутого дополнения.

2) Можно предположить

Since the data are for the entire plate (including laminar region), it is expected* that their turbulent data only, if available, should correlate with an exponent of at least 0.28.**

Эта статья и примечания к ней (ссылки на которые даны звездочками) обращают внимание переводчика на отличие модального выражения *it is expected*, применяемого к догадке или результату, от синонимичного выражения *it is suggested*, применяемого к гипотезе или выводу; на употребление эллипсиса *if available*; на использование скобок.

3) В соответствии с

In agreement with this, it was found that the only one of the four compressors tested here that went into a part-span stall was the low φ machine, denoted by K in Fig. 16

В этом случае пример иллюстрирует использование запятой и компрессию определительного оборота (*the low φ machine = the machine with low value of φ*).

Казалось бы, принцип подачи иллюстрирующих примеров в полном виде не нуждается в защите, и тем не менее он встречает возражения, которые по существу сводятся к следующим: 1) В результате расширения функций словарь превращается в пособие. 2) Подача иллюстрирующих примеров в полном виде вызывает увеличение объема словаря.

Однако, если исходить из максимальной эффективности словаря, эти возражения нельзя признать состоятельными. Прежде всего, расширение функций словаря не меняет его основного назначения — словарь по-прежнему и главным образом служит источником лексической информации (вариантные соответствия, синонимы, лексическая сочетаемость), и это — самое важное. Что же касается того, как квалифицировать словарь, то здесь уместно напомнить слова О. С. Ахмановой о том, что «словарь — это самое массовое лингвистическое пособие» (см. Предисловие к третьему изданию русско-английского словаря под редакцией А. И. Смирницкого, М., 1965). Таким образом, отказываясь от практики «укорачивания» иллюстрирующих примеров с целью расширения функций словаря, мы не превращаем словарь в пособие, а просто придаем словарю-пособию дополнительные качества, благодаря которым он становится более полезным инструментом переводчика.

Не более состоятельно возражение с ссылкой на увеличение объема. Если бы даже каждая словарная статья снабжалась примером (примерами) в полном виде, дополнительная польза, приносимая этими примерами, оправ-

дывала бы связанное с ними увеличение объема. Однако на практике удается экономить объем, поскольку нередко один пример можно использовать для нескольких словарных статей. Проиллюстрируем сказанное с помощью четырех связанных общим контекстом статей.

Требовать использования

The control of steam quality *is of greater importance where design criteria dictate* utilization of the higher strength steels.

Приобретать большое значение (конт. *Требовать использования*)

The control ... *is of greater importance...*

У которых (конт. *Требовать использования*)

...*is of greater importance* (в установках) **where...**

Расчетные критерии (конт. *Требовать использования*)
...*where design criteria dictate...*

Благодаря ссылке «конт» (т. е. «смотри контекст») удается избежать многократного повторения иллюстрирующего примера, а переводчик в то же время всегда имеет возможность найти интересующий его контекст.

Наконец, еще один аргумент в пользу нефрагментарности примеров. Как известно, слова и словосочетания ассоциируются в сознании людей довольно определенным образом — например, сочетание «вызывать опасность» ассоциируется с сочетанием «принимать меры», выражение «согласуется с результатами [1], но» ассоциируется с «расходится с» и т. п. Кроме того, у носителей разных языков некоторые понятия вызывают несхожие ассоциации. Поскольку приводимый в полном виде пример порой содержит ассоциативные слова и словосочетания, переводчик избавляется от необходимости их поиска и уменьшается вероятность ошибочного словоупотребления в переводе.

Отражение синонимии в словарной статье

Ограничение синонимического ряда — одна из наиболее трудных задач, которую составителю общетехнического словаря приходится решать практически для каждой словарной статьи. При этом нужно иметь в виду, что насыщенная синонимами словарная статья не столько помогает, сколько мешает переводчику, заставляя его заниматься ненужным анализом и отсевом менее точных синонимов. Велика ли,

например, польза от статьи «Вызван» в словаре М. Г. Циммермана, если в ней, наряду с необходимыми и достаточными синонимическими выражениями *is caused by, is due to, is brought about by*, приведены более далекие *results from, arises from, stems from, springs from* является результатом, возникает, протекает, а также совсем далекие *is associated with связан с, may be attributed можно объяснить* и *through путем*? Видимо, было бы полезнее указать последние семь синонимов по меткому английскому выражению “where they belong”. Письменные переводчики, на которых в первую очередь рассчитан общетехнический словарь, нуждаются в точных эквивалентах, а следовательно, в близких синонимах и коротких синонимических рядах. В отличие от устных переводчиков, которым иногда приходится идти на потери оттенков несущественной информации и которые поэтому стремятся иметь в своем распоряжении минимальное количество длинных синонимических рядов, письменным переводчикам просто незачем подменять точные эквиваленты менее точными. Поэтому общетехнический словарь не должен подменять собой синонимического, и в словарных статьях его целесообразно указывать лишь абсолютные, синтаксические и функционально-речевые синонимы (термины О. С. Ахмановой) и только при условии примерно равной употребляемости этих синонимов.

Рассмотрим теперь статью «Измерения» из словаря А. Л. Пумпянского: *measuring, measurement, determination, gauging; dimension, size*. Во-первых, синонимический ряд этой статьи, приведенный как в тезаурусе без каких-либо пояснений, обесценивается: начинающий переводчик не информируется, что *measuring* и *measurement* относятся к измерениям вообще, *gauging* — к измерениям, как правило, зазоров и давлений, *dimension* — это измерение, как математическое понятие (в двух измерениях, трехмерный и т. п.), *size* — геометрический размер (часто радиус или диаметр), а *determination* — это определение, не обязательно связанное с проведением измерений. Во-вторых, рассмотренный ряд все равно не удовлетворит опытных переводчиков, поскольку в нем отсутствуют такие, например, синонимы, как *sounding, probing* (об измерениях с помощью зонда, датчика), *taking* (о температуре больного), *fathoming* (об измерениях морских глубин), *metering* (об измерении с помощью дозирующего устройства). Отсюда можно сделать вывод, что для некоторых широкоупотребляемых

русских многозначных слов, каждому значению которых соответствует на английском языке отдельное слово, нужно давать ряд английских синонимов с краткими пояснениями.

Переводчики нередко высказываются в пользу длинных синонимических рядов, подсказывающих по ассоциации варианты перевода. Нам представляется, что функцию «подсказки» целесообразнее возложить на указатель опорных слов, о котором несколько подробнее будет сказано ниже.

Система построения словника

Какою должна быть система построения словника, или система расположения словарных статей? По-видимому, для общетехнического словаря (как и для любого словаря, снабженного иллюстрирующими примерами) чисто гнездовая система непригодна: некоторые гнезда растянутся на несколько страниц. Кроме того, поскольку во многих двусловных и многословных сочетаниях почти каждое слово может быть принято за опорное (например, «Придерживаться метода», «Приближенная оценка», «Наметить очередность этапов»), выбор гнездовой системы привел бы к необходимости дублирования статей и, следовательно, к неоправданному разбуханию словаря.

Чисто алфавитная система расположения статей по первому слову также неприемлема, поскольку первое слово не всегда бывает опорным (например, предлог). Мы приходим к выводу о необходимости использования некой комбинированной системы построения словника, но выбор этой системы еще не решает проблемы — нужно выбрать и принцип, лежащий в основе комбинированной системы и позволяющий сделать словарь максимально удобным для практического пользования. Насколько сложна эта задача, покажем на примерах словарей М. Г. Циммермана и Н. В. Обручевой и В. М. Карзинкина.

Все статьи в словаре М. Г. Циммермана можно распределить по четырем группам: статьи, не содержащие никаких ссылок или отсылок; статьи, содержащие ссылки на другие выражения, имеющие какое-то общее слово («Лучше [см. *тж.* Вдвое лучше. Еще лучше; или, что еще лучше]»); статьи с ссылками на синонимические выражения («Не включая [см. *тж.* За исключением, Минус, Не считая]»); статьи, не содержащие никакой информации, кроме отсылки к другой статье («Не говоря уже о многих других

[см. И многие другие]»). В результате словарь буквально наводнен ссылками — обстоятельство, на которое жалуются многие переводчики. Отсюда следует естественный вывод: **число ссылок нужно свести к минимуму.**

Нетрудно заметить, что некоторые ссылки в словаре М. Г. Циммермана носят директивный характер, а некоторые — факультативный. Однако переводчик, решая одновременно несколько микрозадач (построение фразы, выбор средств компрессии, поиск и удерживание в памяти термина, выбор вариантного соответствия для русского словосочетания и т. д.) часто не успевает переключить свое внимание на характер ссылки и машинально следует за нею, даже если в этом нет необходимости. Поэтому можно сделать еще один вывод: **ссылки должны быть только факультативными**, а переводчик должен знать об этом и привыкнуть к этому. Резкое уменьшение общего количества ссылок и их факультативность намного упрощают пользование словарем, а некоторое увеличение объема в связи с отказом от неинформативных статей-отсылок и соответствующим дублированием примеров для синонимических выражений вполне оправдано. (Кстати, примеры для абсолютных синонимических выражений обязательно нужно дублировать. Так, для местоименных выражений «с помощью» и «при помощи» следует давать одинаковые примеры. В противном случае у переводчика (особенно, если русский язык для него не родной) может сложиться впечатление, что в употреблении абсолютных синонимических выражений имеется какой-то нюанс, чего на самом деле нет.)

Удобство и надежность пользования словарем зависят и от алфавитного порядка в пределах буквенного раздела словаря. В словаре М. Г. Циммермана буквенный раздел имеет два и более алфавитных порядка: сначала идут словосочетания, начинающиеся с предлогов, а затем — все остальные. (Например, алфавитный порядок статей, начинающихся на букву «П», трижды прерывается выражениями с предлогами «по», «под» и «при».) Такой «перебегающий» алфавитный порядок не обеспечивает автоматизма поиска, требует от переводчика дополнительного внимания и в условиях решения переводчиком упоминавшихся выше микрозадач не гарантирует надежного отыскания словарной статьи. По нашему мнению, наиболее целесообразен **общий алфавитный порядок**, принятый, например, в «Орфографическом словаре русского языка».

При выборе системы словника в словаре М. Г. Циммермана принято еще одно необоснованное, на наш взгляд, решение — в пределах словарной статьи, иллюстрирующие примеры приведены в порядке английского алфавита по первому слову английского словосочетания. Во-первых, такое расположение примеров не приносит пользы (чтобы сделать выбор, переводчик все равно должен прочесть все примеры), а редактору-лексикографу приходится выполнять огромную и ненужную работу. Во-вторых (и это самое главное), при таком расположении примеров редкоупотребляемые и менее точные выражения идут зачастую впереди обычно употребляемых и более точных. (Так, в статье «Позволять» выражение с *admit of* предшествует выражениям с *enable* и *permit*.) В результате у переводчика может сложиться неверное представление об относительной употребительности конкретного словосочетания. Таким образом, алфавитный порядок в пределах словарной статьи не нужен и, более того, вреден.

Словник словаря-справочника Н. В. Обручевой и В. М. Карзинкина построен по тематическому принципу. Так, около ста словосочетаний объединены в общем разделе «Обсуждение результатов», имеющем подразделы: Дискуссия; Рассмотрение результатов; Объяснение результатов; Предположение; Гипотеза; Теория; Подтверждение гипотезы, теории; Оспаривание гипотезы, теории; Доказательства». Такое построение словника полезно, по-видимому, для терминологических узкоспециальных словарей, но в общетехническом словаре оно непригодно по двум причинам. Во-первых, поскольку распределение словосочетаний по тематическим разделам довольно субъективно, переводчику приходится угадывать, в каком разделе интересующее его словосочетание присутствует с наибольшей вероятностью и, естественно, он может ошибиться. (Например, сочетание «требуется подтверждения» находится в справочнике не в разделе «Подтверждение гипотезы», а в разделе «Оспаривание гипотезы».) Во-вторых, переводчик, если даже он правильно угадал раздел, в поисках нужного словосочетания должен прочесть все словарные статьи раздела.

Учитывая вышесказанное, мы считаем наиболее целесообразной такую систему построения словника, при которой словарные статьи приводятся в алфавитном порядке по первому слову, а словарь обязательно снабжается подробным алфавитным Указателем опорных слов. Каждое

приведенное в Указателе опорное слово представляет собой глоссу, в котором перечислены все имеющиеся в словаре словосочетания с данным опорным словом. Словосочетание с двумя опорными словами упоминается в двух гнездах, с тремя — в трех. Такое сведение в гнезда словосочетаний, а не обширные словарные статьи с их иллюстрирующими примерами, облегчает поиск словосочетания в гнезде, а многократное указание словосочетания в различных гнездах значительно повышает надежность поиска.

Указатель позволяет переводчику найти нужное ему словосочетание, а уж затем обратиться к словарной статье. Обращение к указателю почти неизбежно для переводчика не являющегося носителем русского языка. Ему трудно определить в оригинальном русском тексте границы фразеологизма и тем более свободного словосочетания и, следовательно, нелегко найти словарную статью без помощи какого-либо опорного слова. Если переводчик с русским родным языком уверен, что то или иное словосочетание имеется в словаре, он, конечно, разыскивает его, не обращаясь предварительно к Указателю опорных слов. Однако и он может извлечь пользу из Указателя, если не уверен, в каком виде — полном или неполном — приведено словосочетание в словаре (например, «крайне желательно», или «было бы крайне желательно», или «но было бы крайне желательно, если бы»). Кроме того, известно, что при переводе нередко приходится перестраивать отдельные предложения и даже целые абзацы. В подобных случаях переводчик может воспользоваться более подходящим выражением, указанным в гнезде под тем же опорным словом, что и подвергшееся перестройке выражение оригинала.

На этом, пожалуй, можно закончить обоснование принципов, которые, на наш взгляд, должны лежать в основе русско-иностранный и, в частности, русско-английского общетехнического словаря. Ограничения в объеме статьи не позволяют остановиться на таких важных и в то же время требующих подробного рассмотрения вопросах, как выбор вариантного соответствия между русским и иностранным словосочетаниями, принципы записи русских словарных статей, принципы записи опорных слов в Указателе, система помет и примечаний в пределах словарной статьи, система внестатейных комментариев. Все эти вопросы заслуживают обсуждения в отдельной статье.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. Из опыта перевода классиков марксизма

- В. Р. Григорьев.* Некоторые проблемы перевода работ В. И. Ленина на итальянский язык 3

II. Вопросы теории перевода

- Н. Л. Самойлова.* Выявление гносеологической основы обстоятельства при помощи комплексного семантико-синтаксического метода анализа текста (на материале английского языка) 17
- В. И. Шаховский.* К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала 25

III. Вопросы художественного перевода

- С. С. Прокопович.* Адекватный перевод или интерпретация текста? 37
- Ю. Л. Оболенская.* Каламбуры в произведениях Ф. М. Достоевского и их перевод на испанский язык 48
- Л. И. Скуратовская, И. С. Матвеева.* «Алиса» в новом облике 61

IV. Вопросы практики перевода

- Я. Н. Рецкер.* Что же такое лексические трансформации? 72
- В. И. Батов, Ю. А. Сорокин.* Атрибуция текста: проблема метода 85
- Е. Б. Передерий.* Функции и виды конверсных преобразований при переводе (на материале испанского и русского языков) 94

V. Технический перевод

- Б. Н. Климзо.* О русско-английском словаре общеупотребительных слов и фразеологических единиц научно-технической литературы 107

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вып. 17.

Редактор *В. П. Торпакова*

Издательские редакторы *Н. С. Новова, Н. Л. Образцова*

Художественный редактор *В. В. Сурков*

Технический редактор *О. В. Кудряцева*

ИБ № 395

Сдано в набор 20.11.79. Подписано в печать 18.03.80. А00898. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,30. Уч. изд. л. 6,72. Тираж 8000 экз. Заказ № 799. Цена 40 коп.

Издательство «Международные отношения». 107053 Москва, Б-53, Садовая Спаская, 20. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014. Ярославль, ул. Свободы, 97.

